
МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

МУЖСКИЕ
ИГРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Каменская

Александра Маринина

Мужские игры

«Автор»

1997

Маринина А.

Мужские игры / А. Маринина — «Автор», 1997 — (Каменская)

ISBN 5-699-16600-8

В Москве появился маньяк, задушивший в течение короткого времени семь человек. Крупный мафиози Эдуард Денисов дает сотруднику уголовного розыска Насте Каменской понять, что в деле маньяка-душителя есть загадка и по крайней мере одна из жертв не имеет отношения к серии, состоящей из семи убийств. Занимаясь поисками маньяка, Анастасия с ужасом обнаруживает, что к преступлениям, по всей вероятности, причастен близкий ей человек.

ISBN 5-699-16600-8

© Маринина А., 1997

© Автор, 1997

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александра Маринина

Мужские игры

Глава 1

– Ну что ж, если ко мне нет вопросов по текущим делам, на этом закончим.

Виктор Алексеевич Гордеев, которого подчиненные за глаза любовно называли Колобком, проводил свое последнее оперативное совещание в должности начальника отдела по тяжким насильственным преступлениям. С этого дня он назначен на вышестоящую должность в Министерстве внутренних дел. И с этого же дня у его подчиненных будет новый начальник.

Новый тоже был здесь, присутствовал на совещании с самого начала, вроде как в дело входил, хозяйство принимал. «Интересно, – думала Настя Каменская, – он хотя бы приблизительно представляет себе, до какой степени его здесь не хотят?» Вновь назначенный начальник отдела, судя по всему, не представлял себе этого, потому что оглядывал присутствующих с дружелюбной улыбкой, в которой мелькало даже что-то покровительственное. Дескать, я понимаю, ребята, каково вам было под этим толстым стариком, но со мной все будет по-другому, не беспокойтесь.

Ни самой Насте, ни ее коллегам «по-другому» не хотелось. Но они понимали, что изменить ситуацию не могут, поэтому придется менять отношение к происходящему. Да, не очень-то радостно начинался новый год.

– Теперь я представлю вам сотрудников, – сказал полковник Гордеев. – Подполковник Жерехов Павел Васильевич, заместитель начальника отдела.

Невысокий сутулый Жерехов привстал со своего места и изобразил условный приветственный кивок. Его лицо, покрытое ранними морщинами, не выражало ничего, кроме усталости и безразличия. Но все сотрудники отдела знали, что за этим показным безразличием кроется почти физическая боль. Гордеев всегда был для него больше, чем просто начальником.

– Старший оперуполномоченный майор Коротков Юрий Викторович. Любит работать с раннего утра и до позднего вечера, а также в праздники и выходные дни.

Это было правдой. Дома у Короткова царил кромешный ад, и он старался бывать там как можно меньше.

– Старший оперуполномоченный майор Селуянов Николай Михайлович. Самый лучший топограф в МУРе, очень хорошо знает город, все улицы, переулки, тупики и проезды. Полтора месяца назад попал в автоаварию, поэтому еще некоторое время будет прихрамывать. Прошу вас дать ему возможность полностью восстановиться и некоторое время не посылать на задания, требующие физических перегрузок. Старший оперуполномоченный майор Каменская Анастасия Павловна. Рекомендую использовать ее на аналитической работе. Для меня она ежемесячно готовила справки об оперативной обстановке в Москве. Хотелось бы надеяться, что после моего ухода эта практика не будет прекращена. Оперуполномоченный капитан Лесников Игорь Валентинович... Оперуполномоченный капитан Доценко Михаил Александрович...

Гордеев представлял сотрудников, говоря о каждом несколько слов, так сказать, в порядке информации. Все по очереди вставали, некоторые ухитрялись даже делать при этом приветливое лицо, но в основной своей массе народ притворной вежливостью себя не затруднял. Колобка все любили и его уход переживали болезненно. Новый руководитель был в их глазах изначально плох уже тем, что не был Гордеевым. А ведь у него наверняка есть и другие недостатки...

После совещания все разошлись по кабинетам, и уже минут через двадцать в здании на Петровке, 38 не осталось почти никого из сотрудников отдела. Работы было, как обычно, много: за четыре дня новогодних праздников печальный обычай лишать жизни тех, кто по каким-то причинам не нравится или мешает, не исчез, и даже наоборот, как водится, активизировался под влиянием алкоголя. Особенно тревожило появление в Москве очередного маньяка. Об этом красноречиво свидетельствовали семь трупов, обнаруженных в разных концах Москвы. Семь человек были задушены совершенно одинаковым способом: преступник нападал сзади, обхватывал руками шею жертвы, слегка придушивал, нажимая на сонную артерию и перекрывая доступ кислорода в мозг, потом снимал с потерявшей сознание жертвы шарф или платок и душил, на этот раз до конца. Четверо мужчин и три женщины, ничем друг с другом не связанные – ни знакомством, ни деятельностью в одной и той же сфере бизнеса. Возраст потерпевших – от двадцати семи до сорока девяти лет. Время совершения преступления – после двадцати трех часов. Место – подъезды домов. Обычно такие дела Гордеев поручал Насте Каменской, в них требовался тщательный и глубокий анализ, потому что, как показывает практика, никаким другим способом маньяка не найдешь. Сегодня Колобок, словно «забыв», что уже не руководит отделом, поручил заниматься этими убийствами Насте, Селуянову и Мише Доценко. Новый начальник во время совещания ничего не сказал, но это не означало, что он не отменит решение Гордеева. Теперь он хозяин в своей вотчине, и плевать он хотел на указания своего предшественника.

Хлопнула дверь, в кабинет к Насте влетел Юра Коротков. Не говоря ни слова, он схватил со стола ключи, запер дверь изнутри и только после этого уселся напротив Насти, подтащив к ее столу свободный стул.

– Ты чего? – удивилась она.

– Ш-ш-ш, – Коротков прижал к губам палец. – Шепотом, пожалуйста. Новый барин отправился обходить владения. Народ разбежался, только мы с тобой остались. Сделаем вид, что нас тоже нет. А то прицепится с разговорами... Ну его.

Настя молча пожала плечами и взяла сигарету. Она не была сторонницей откладывания неприятных моментов. Если уж их нельзя избежать, так лучше сразу отмучиться. Еще в университете при всем паническом страхе перед экзаменами она всегда шла сдавать в первой же группе. Только однажды она не вошла в аудиторию с первой пятеркой сдающих. Это был экзамен по международному праву. Принимала его дама-профессор, которую все боялись как огня, потому что было доподлинно известно, что она старая дева и люто ненавидит всех девушек-студенток, особенно хорошеньких или дорого одетых. Заодно ее неприязнь распространялась и на юношей, ибо они, как известно, предпочитают ухаживать именно за хорошенькими или дорого одетыми. Короче, пятерок она не ставила никому, а шанс получить четверку был только у самых замухрышистых. Всем остальным светили тройки и пары. Реальный уровень знаний в расчет не принимался. Настя тогда стояла в коридоре, пытаясь оттянуть момент неизбежной казни, но когда из аудитории стали постепенно выходить те, кто уже сдал экзамен, она подумала: «У них уже все позади. Счастливые! А я стою и терзаюсь неизвестностью. Нет, лучше уж сразу...»

– Если барин хочет познакомиться с крепостными поближе, он все равно это сделает, – тихонько сказала она. – Нам не увернуться.

Снаружи слышались шаги, кто-то сильно толкнул дверь, потом подергал ручку. Настя и Коротков замерли. Через несколько мгновений раздался затейливый стук. Так обычно стучали сотрудники, которые знали о Настиной привычке запирается в кабинете, чтобы спокойно поработать. Юра сделал предостерегающий жест: не открывай, это наверняка начальник, а не кто-то из своих. Человек за дверью еще некоторое время постоял, потом ушел.

– Юрка, это глупо, – прошептала Настя. – Ну что мы как дети, в самом деле! Пусть бы уже зашел и сказал все, что хочет.

– Настроения нет с ним общаться, – буркнул Коротков. – Ты слышала об убийстве Вавилова?

– Слышала. Им региональное управление занимается, как раз то, где он раньше работал. Сколько он на пенсии?

– Месяца три примерно. И чего ему, дураку, не работалось? Ушел в банковский бизнес – и вот результат. А моя Лялька всю плешь мне проела, чтобы я увольнялся и начал зарабатывать человеческие деньги. Ей все кажется, что как только я сниму погоны, так сразу начну приносить домой какие-то немеренные доллары. А то, что я после этого трех месяцев могу не прожить, ее почему-то не волнует.

– Не надо так, Юра. Просто она этого не понимает. Она же видит вокруг себя живых, хорошо обеспеченных людей, откуда ей знать, как часто они умирают не своей смертью. Это мы с тобой на трупах каждый день сидим, а у нее взгляд другой. Не придирайся к ней. Кстати, надо бы Владике Стасову позвонить, сказать про Вавилова, они же когда-то вместе работали. Стасов наверняка захочет пойти на похороны.

– А давай напросимся к нему в гости. Там, говорят, знатную выпечку дают, – предложил Коротков.

– Говорят, – усмехнулась Настя. – А еще говорят, что там и без нас не повернуться. Трое взрослых и Лялька в придачу, у нее сейчас каникулы в школе, и она целыми днями торчит рядом с обожаемыми тетей Таней и тетей Ирой.

– Ну, где четверо, там и мы с тобой поместимся. Тихо, кажется, опять шаги.

Юра не ошибся, по коридору действительно кто-то шел и снова остановился рядом с дверью. Дернулась ручка, потом раздался требовательный стук.

– Анастасия Павловна, откройте, пожалуйста.

Коротков отрицательно покачал головой, но Настя резко встала, нарочито громко стукнула дверцей сейфа и повернула ключи в дверном замке. На пороге возник новый начальник Владимир Борисович Мельник.

– Запираетесь от начальства? – спросил он, впрочем, довольно беззлобно.

– От посторонних, – коротко ответила Настя. – Мы смотрели материалы разработок. Сами знаете, по инструкции о соблюдении режима секретности...

– Да-да, конечно, – перебил ее Мельник. – Извините, что помешал. Но раз уж вы все равно меня впустили, давайте-ка поговорим о вашей аналитической работе. Я могу посмотреть справки, которые вы готовили для Гордеева?

Настя молча открыла сейф и достала толстую папку с экземплярами справок.

– Здесь материалы за два последних года. Если вам нужны более ранние справки, я достану. Они в другой папке.

– Пока не нужно, благодарю вас. Я для начала познакомлюсь с этими. Ну-ка скажите мне навскидку, много непойманных душегубов по Москве гуляет?

– Сотни три примерно.

– Что ж вы так? Непорядок, – попытался пошутить начальник.

– Извините. Как можем, – сухо ответила Настя.

У нее не было настроения шутить, тем более с Бариним (получалось, что прозвище для нового шефа родилось в первый же день и имело все шансы на успешное закрепление в рядах сотрудников). Владимир Борисович, однако, показал себя человеком чутким и достаточно тонким и педалировать легкий тон беседы не стал.

– Я понимаю, вам трудно расставаться с Виктором Алексеевичем, – неожиданно тепло произнес он, – и мне какое-то время придется сталкиваться с вашим неприятием. Я не в обиде, сам бывал в вашем положении, и неоднократно. Как вы считаете, уместно ли мне будет присоединиться к вам сегодня вечером? Виктор Алексеевич меня пригласил, но мне кажется, что

я там буду лишним. В то же время пренебрегать приглашением некрасиво. Что вы мне посоветуете?

Настя не сумела скрыть удивления. Оказывается, Барину не чуждо чувство такта и меры! Действительно, Гордеев пригласил сегодня весь отдел к себе домой на «проводы». И Мельник был в числе приглашенных. С точки зрения тактики вхождения в должность это было грамотно: есть возможность сразу познакомиться со всеми новыми сотрудниками. И в то же время опасно с точки зрения выстраивания иерархических отношений: не должен новый начальник в первый же день пить с подчиненными. Эдак и до панибратства недалеко. Виктор Алексеевич устроил своему преемнику простенький экзамен. Примешь приглашение, поучаствуешь в совместной с подчиненными пьянке и допустишь оплошность – значит, дурак, легких путей ищешь. Не примешь, побоишься – значит, предусмотрительный, но трусливый. Придешь, выпьешь вместе со всеми, но сумеешь сохранить дистанцию – значит, годишься. Мельник, похоже, был в своих силах не уверен и искал в двоих случайно подвернувшихся подчиненных моральную поддержку.

– Пренебрегать приглашением нельзя, тут вы правы, – с плохо скрываемым злорадством произнес Коротков. – Тем более народ может подумать, что вы пить не умеете, рюмку не держите, и ваши акции сразу упадут. Виктор Алексеевич дает вам шанс проявить себя и завоевать наше уважение.

– Ну что ж, – усмехнулся Барин, – коль вы так вопрос ставите, то я, конечно, приду. Хотел деликатность проявить, я ведь понимаю, что я для вас чужой, которого не хочется видеть в узком кругу. Но если вы вместо теплого прощания с начальником собираетесь устроить мне смотрины, то уклоняться я не вправе. Задания вы все утром получили, так что прошу к шести часам ко мне на доклад: что сделано, а что не сделано и почему. Всего доброго.

Настя и Коротков оторопело смотрели на закрывшуюся за ним дверь.

– Однако, – наконец протянул Юра. – Мужичок с характером.

– Да уж. Интересно, вечерний доклад у него в репертуаре весь сезон или только сегодня в честь премьеры?

– Поглядим. Ладно, Ася, я побегу, дел действительно по уши. Я тебе что-нибудь должен?

– Ты мне обещал сведения о предыдущих местах работы за последние пять лет по всем потерпевшим, которых нашли задушенными. Поскольку официально этим заниматься должны Селуянов и Мишаня, а не ты, я взамен тебе тоже что-нибудь сделаю.

– Напиши за меня отчет о командировке, а? Я же тебе все подробно рассказывал, чем в Краснодаре занимался. А у меня на писанину столько сил уходит – ужас! Я их лучше на что-нибудь полезное потрачу. Например, на твоих задушенных.

– Идет, – согласилась Настя.

Да, при Гордееве можно было делать и так. Для Колобка всегда важным был результат, и он позволял подчиненным перераспределять между собой задания, лишь бы дело делалось быстро, четко и эффективно. Как новый Барин посмотрит на такую практику? Виктор Алексеевич Гордеев с пониманием относился к тому, что Коротков, как, кстати, и Коля Селуянов, терпеть не могли бумажную работу и письменные фразы выдавливали из себя с невероятным трудом, затрачивая на это массу сил и времени. Он прекрасно знал, что частенько бумаги пишет за них Каменская, которая делает это легко и быстро. При этом сама Каменская, знаменитая своей фантастической ленью и нелюбовью к поездкам по всему городу, пользовалась услугами коллег для поиска различной информации.

* * *

День проходил как обычно. И только в седьмом часу вечера случилось неожиданное. На столе у Насти звякнул внутренний телефон, и голос Барина произнес:

– У вас есть справка за год с разбивкой по округам?

– Пока нет. Все материалы к ней готовы, их только нужно свести вместе и сделать графики для наглядности сравнения, – ответила Настя, изо всех сил стараясь скрыть изумление.

– Мне нужна такая справка немедленно. В вашем распоряжении двадцать минут.

И все. Ни тени сомнения в том, что приказ будет выполнен. Ну и как же его выполнять, приказ этот? Надо срочно искать свободный компьютер, да не любой, а тот, в котором есть программы, позволяющие строить графики и диаграммы. Мечась по огромному зданию ГУВД в поисках компьютера, умоляя пустить на полчаса поработать, судорожно komponуя текст и вводя данные для построения графиков, Настя с недоумением думала: а зачем, собственно, все это? Почему такая срочность? Не иначе из министерства очередной циркуляр пришел, готовят коллегию по итогам года. Никакого другого объяснения настойчивости начальника она придумать не могла. Ни для чего другого годовая справка со срочностью «двадцать минут» просто не могла понадобиться. Да еще с разбивкой по округам... Нет, пожалуй, министерство тут ни при чем, оно занимается всей Россией, а для всей России городские округа значения не имеют. Там счет идет на целые области. Скорее всего дело в руководстве ГУВД. Тоже, конечно, необычно, потому что руководство ГУВД никогда аналитической работой особенно не интересовалось. То есть вид, конечно, делало, и функции соответствующие на штаб возлагало, но уровень этой аналитики был, прямо скажем... Тот факт, что руководители этим уровнем вполне удовлетворялись, говорил об их невзыскательности и нетребовательности. И о том, кстати, что вообще-то они аналитическую работу в грош не ставят и смысла в ней никакого не видят. Наверное, случилось что-то из ряда вон выходящее, раз потребовался аналитический материал, да еще в течение двадцати минут.

Разумеется, в установленный начальником срок Настя не уложились. Из отведенного ей времени пятнадцать минут ушли на поиски свободного компьютера. Еще через пять минут майор Каменская как человек дисциплинированный позвонила Барину и доложила, что справка не готова и ей нужно еще минут двадцать – двадцать пять. Барин помолчал, потом сказал, что ждет материал как можно скорее, но голос у него при этом был такой, словно ему сообщили, что весь год зарплату давать не будут. Настя понимала, что шеф недоволен, переживала из-за того, что задерживает выполнение срочного задания, нервничала, ошибалась, а от этого нервничала еще больше. Наконец материал был готов и распечатан. Она сложила листы в папку и помчалась к кабинету Мельника. Метров за тридцать до двери начальника она замедлила шаг, стараясь отдышаться, чтобы не представлять пред ясные руководящие очи красной, растрепанной и запыхавшейся. Тем более в кабинете у Барина вполне может оказаться кто-то посторонний.

Вежливо постучавшись, она вошла в кабинет, где много лет сидел Виктор Алексеевич Гордеев, и оторопела. За столом, на месте Гордеева, сидел, конечно, Владимир Борисович Мельник, но это было по крайней мере ожидаемо. А вот человека, сидящего сбоку, за приставным столом для совещаний, Настя уж никак не ожидала здесь увидеть, хотя и знала, что он бывает на Петровке, и нередко. Неужели это для него Барин так расстарался со справкой? Да нет, быть этого не может, одернула себя Настя. Наверное, Леня пришел по своим делам, а вопрос с аналитическими материалами возник параллельно. Просто совпало по времени.

– Разрешите, Владимир Борисович? – сказала она, подходя к столу начальника и протягивая ему папку с материалами.

– Очень долго, – сухо ответил Мельник. – В вашем подразделении всегда такой уровень оперативности?

– Нет, обычно он еще ниже, – так же сухо ответила Настя. – Сегодня я постаралась работать быстрее, чтобы произвести на вас хорошее впечатление. Товарищ полковник, если бы у меня на рабочем столе стоял компьютер, справка была бы готова через десять минут. Мне при-

шлось искать место, чтобы сделать материал. Львиная доля времени, которое вы мне отвели, была потрачена на беготню по коридорам.

Она старалась не смотреть на Леонида Петровича. Забыть, что это ее отчим. Забыть, что это муж ее матери. Забыть, что это человек, который ее вырастил и воспитал, которого она горячо любила и всю сознательную жизнь называла папой. Забыть, что они виделись несколько дней назад, а в ближайшую субботу мама и Леня ждут Настю с мужем на обед. Ей было неприятно получать выволочку в присутствии отчима.

– Я могу быть свободна, Владимир Борисович?

– Да, идите, – кивнул Мельник, не глядя на нее.

Настя вернулась к себе, чувствуя, как внутри у нее все кипит от ярости. Хоть бы спасибо сказал, утюг ржавый. Интересно, он знает о ее родстве с Леней или нет? Наверное, не знает, иначе обязательно отпустил бы какую-нибудь плоскую шутку по этому поводу. У Насти пока еще не было возможности проверить остроту чувства юмора у нового начальника, но она была заранее уверена: шутки Барина могут быть только плоскими.

Она попыталась взять себя в руки и успокоиться. Достала кипятильник, сунула его в высокую керамическую кружку с водой и включила. Надо выпить кофе и остыть. Господи, ну почему Колобок их бросил? Почему ушел, отдав на растерзание этому... Она стала искать термин поязвительнее, но ничего умного в голову не приходило. Одно слово – Барин. Лучше и не скажешь.

Вода в кружке уже закипела, когда дверь распахнулась. На пороге стоял Леонид Петрович, и вид у него был одновременно смущенный и насмешливый.

– Привет, папуля, – улыбнулась Настя. – Кофе будешь?

– Давай.

Отчим снял дубленку, небрежно бросил ее на свободный стол, стоящий в углу, и подошел к Насте, чтобы расцеловать ее.

– Эй, да ты вся в испарине, – озабоченно заметил он, коснувшись губами ее лба. – Не заболела ли?

– Нет, не волнуйся. Это от беготни и от злости одновременно. Ну как тебе нравится этот самодур? Двадцать минут – и все, хоть сдохни. Что у него за пожар, не знаешь?

– Ребенок, не сердись... – Леонид Петрович помялся. – Это для меня.

– Что – для тебя? – не поняла Настя. – Справка для тебя?

– Ну да. Я же прихожу к вам регулярно каждый месяц, прошу всякие материалы, которые можно использовать в учебном процессе. Собираю с миру по нитке передовой опыт и все такое. Пришел-то я к Гордееву, я ж не знал, что с сегодняшнего дня у вас новый начальник. Ты мне говорила, что Виктор уходит, но я не думал, что так скоро... Одним словом, зашел в кабинет, смотрю – там чужой кто-то. Представился, объяснил, зачем пришел. А он тут же принялся кнопки нажимать и указания давать. Честное слово, я его не просил об этом и уж тем более не требовал, чтобы материалы мне дали через двадцать минут. Это была его инициатива.

– Ну конечно, – зло сказала Настя. – Он проявил инициативу, а ты с удовольствием ее поддержал. Тебе, наверное, очень понравилось, что ради тебя кнопки нажимают и людей на уши ставят, хотя никакой необходимости в этом нет. Папа, я никогда не подозревала в тебе такого барства. Почему ты его не остановил? Сказал бы, что это не срочно. Или вообще ушел бы. Почему ты позволил ему изгаляться надо мной? И вообще, зачем ты к нему пошел? Ты же знаешь, что эти справки делаю я, и всегда брал их именно у меня, а не запрашивал официальным путем.

– Ребенок Настя, не злись. Я не мог знать, что для тебя это будет так сложно.

– Да какая разница, сложно или нет! – взорвалась она. – Даже если не сложно, все равно, зачем ты позволяешь ему корчить из себя курбаши? Неужели тебе самому не противно? Это же

типичные замашки крутого босса, гадкие, хамские, а ты поддерживаешь его и с удовольствием участвуешь в этом спектакле. Прости, папуля, но от тебя я этого никак не ожидала.

Леонид Петрович примирительно улыбнулся и полез за сигаретами.

– Перестань, ребенок, – спокойно сказал он. – Тебе не нравится Мельник, это за версту видно, поэтому каждое лыко получается в строку. Ты столько лет работаешь в мужском коллективе, а так и не научилась понимать мужские игры. Да, ему приятно нажимать кнопки и отдавать приказания, которые быстро исполняются. Ну и что в этом плохого? Да, и мне было приятно, что для меня, начальника кафедры, твой шеф так старается. Мы – мужчины, у нас свой взгляд, свои мерки. Глупо нас за это осуждать. И перестань дерзить начальнику, это непрофессионально. Держи себя в руках. Ты домой собираешься?

– Пока нет. Рано еще, у меня куча дел не сделана.

– Ну смотри, а то подвезу до метро. Так как?

– Нет, папуля, – Настя тоже начала улыбаться. – Спасибо тебе. Я еще поработаю. И потом, сегодня Колобок дает прощальный бал, мы все у него собираемся.

– Про субботу не забыла?

– Да ты что! – возмутилась она. – Лешка уже весь обмечтался насчет твоих жареных цыплят.

– Когда он улетает?

– Через неделю.

– На три месяца?

– Чуть меньше. В конце марта вернется.

– Не соскучишься?

Настя вскинула на отца удивленные глаза.

– Пап, ты ж меня знаешь.

– Знаю, знаю, – вздохнул Леонид Петрович. – Кошка ты и гуляешь всю жизнь сама по себе. Ты даже по маме не скучала, пока она за границей жила. Ладно, если отказываешься со мной ехать, тогда я пойду, пожалуй. В субботу к пяти часам, не забудь.

Он поцеловал Настю, оделся и ушел.

Ей стало грустно. Вот и начал проявляться новый начальничек. Конечно, приятно, что к науке он относится без ставшего уже давно хорошим тоном пренебрежения. Кинулся организовывать материал для кафедры оперативно-розыскной деятельности одного из милицейских вузов. Другой бы сморщился, как от кислого лимона, да попытался отделаться от посетителя побыстрее, а этот – нет. Ладно, время покажет, какой он, Владимир Борисович Мельник. Но все равно Гордеев был лучше. Гордеев – это Гордеев. Его даже неприлично сравнивать с кем бы то ни было.

Около восьми вечера явился Юра Коротков. На лице у него было написано тревожное недоумение. Минут пятнадцать он старательно излагал Насте результаты сегодняшних изысканий в части биографий людей, погибших от руки неизвестного душителя-маньяка. Настя слушала внимательно, записывала, делала какие-то пометки в ею же изобретенных схемах. Пока ничего не высвечивалось. Не было единого признака, который объединял бы всех семерых потерпевших. Кроме того, естественно, что они оказались поздним вечером в пустом подъезде.

Она убрала со стола бумаги и поднялась.

– Ничего у нас не получается пока, Юрик. Ладно, поехали к Колобку, авось под влиянием алкоголя что-нибудь в голову придет.

* * *

Печка в машине работала исправно, и, несмотря на суровый мороз, водитель и пассажир сидели без перчаток и в расстегнутых пальто.

– Что ж, поздравляю с первым выпуском, – говорил пассажир, полуобернувшись в сторону водителя. – Насколько я знаю, он прошел успешно. Как планируете осуществлять второй набор?

– С этим проблемы, Виталий Аркадьевич. Мой заместитель настаивает на другом принципе отбора кадров. И систему подготовки отстаивает другую. У меня нет аргументов, которые позволили бы не согласиться с ним.

– Как это нет аргументов? – удивился пассажир. – Разве успешная подготовка первой группы специалистов – это не аргумент?

– К сожалению, нет. Пока нет, – уточнил водитель. – Они только сдали выпускной экзамен, а как они будут работать в полевых условиях – неизвестно. Хотелось бы надеяться, что провалов не будет.

– А что предлагает твой зам?

– Зеленин против того, чтобы готовить людей в условиях казармы. Он считает, что этим нарушается процесс социализации. Как только человека изымают из общества, из обычной повседневной жизни, он якобы перестает быть адекватным. Я не сторонник такой позиции, но мой заместитель много лет занимался наукой, и мне трудно с ним спорить. Он начинает приводить такие доводы... Короче, я хотел вас просить, чтобы вы вынесли свое решение по этому вопросу.

– Да какое ж тебе решение еще нужно? Ты – начальник. Ты – руководитель. Зама своего не можешь к порядку призвать? Тогда грош тебе цена как начальнику.

– Виталий Аркадьевич, не все так просто. У Зеленина сильная поддержка в ваших кругах. Вспомните, это не я его нашел, это вы мне его рекомендовали. И сказали, что Зеленин – кандидатура вашего шефа. Я был бы вам признателен, если бы вы утрясли этот вопрос с ним.

– Хорошо, я поговорю. Но тебе хочу сказать: не дело это, когда начальник боится своего заместителя. Должно быть наоборот. Остановись на углу, дальше я пешком пройду.

Виталий Аркадьевич тяжело вынес свое крупное тело из машины и пошел, не оглядываясь, в сторону большого здания на Краснопресненской набережной. Через двадцать минут он уже сидел в своем кабинете, обшитом дубовыми панелями.

– Почту посмотрите, Виталий Аркадьевич? – спросила хорошенькая секретарша.

– Оставь, – царственно кивнул он. – И сделай мне чаю, замерз я что-то. Из гаража не звонили насчет машины?

– Звонили. Трамблер надо менять. Обещали к вечеру сделать.

– Ну и хорошо, – снова кивнул он. – А то мне уж неловко знакомых затруднять, просить, чтоб подвезли.

Секретарша вышла, а Виталий Аркадьевич минуту подумал и снял трубку аппарата прямой связи.

– Василий Валерианович, – официально произнес он, – разрешите зайти?

Вообще-то Василий Валерианович был для него просто Васей, но Виталий Аркадьевич знал привычку своего шефа разговаривать по громкой связи. И если в эту минуту в кабинете у Васи кто-то был, совсем не нужно, чтобы он узнал о неформальных отношениях двух сотрудников аппарата правительства.

Василий Валерианович, высокий, худой, с длинным морщинистым лицом и очками в тяжелой оправе, встретил его дежурной улыбкой. Он улыбался всегда, даже когда был зол, даже когда пребывал в ярости. Улыбка у него была какая-то кривая. Впрочем, лишь немногие знали, что это следствие перенесенного несколько лет назад микроинсульта.

– Мне надо поговорить с тобой о проекте, – начал Виталий Аркадьевич, усевшись в неудобное, слишком жесткое для него кресло. – Первый этап закончен, пора переходить ко второму. И здесь возникли некоторые проблемы.

– Какого рода проблемы?

– У Стоянова не получается взаимодействие с твоим протеже Зелениным. У них разные концептуальные подходы к методам реализации проекта. Надо бы снять разногласия, Вася, не ожидая, пока они передерутся. Скажи, ты этому Зеленину что-нибудь должен?

– Естественно, – процедил сквозь зубы Василий Валерианович. – Иначе разве стал бы я его рекомендовать? Какие разногласия нужно снимать? Они деньги не поделили, что ли?

– Не в деньгах дело, Вася. Они получают одинаково. Дело в подходах. На первом этапе мы позволили Стоянову реализовать тот подход, который он сам предлагал. Теперь Зеленин настаивает на том, чтобы подход к комплектованию команды и методам подготовки был изменен. Стоянов...

Виталий Аркадьевич замялся. Ему не хотелось кривить душой перед Василием, слишком давно и хорошо они знали друг друга, чтобы играть в кошки-мышки. Но и подставлять под удар Стоянова, свою креатуру, он не хотел.

– Да, так что Стоянов? – нетерпеливо переспросил Василий.

– У меня такое впечатление, – осторожно начал Виталий Аркадьевич, – что Стоянов согласен со своим заместителем. Понимаешь? В глубине души он согласен. Признает правоту Зеленина. Но вслух заявить об этом не может. Ну, ты же сам понимаешь, мужские игры. Нельзя соглашаться с заместителем, который стоит в оппозиции. Это неправильно с управленческой точки зрения. Поэтому Стоянов хочет, чтобы ему приказали. Тогда он сумеет сохранить лицо.

– Ишь ты, – хмыкнул Василий. – И кто же возьмет на себя труд отдать приказ? Ты хочешь, чтобы это сделал я?

– А кто же еще? Конечно, ты. Зеленин – твой человек. Мое слово для него ничего не значит.

– А Стоянов – твой, – возразил Василий.

– Но руководишь проектом ты. Это была твоя идея, твое детище. И ты, Вася, должен принять решение, каким делать второй набор. Таким, как предлагает Зеленин, или таким, как предлагает Стоянов.

Василий Валерианович, до этого задумчиво прохаживавшийся по просторному кабинету, остановился и присел на краешек длинного стола.

– Виталий, я понимаю, чего ты хочешь. Ты боишься брать на себя ответственность, потому что не являешься профессионалом в том деле, которое мы затеяли. Но и я в нем не компетентен. Именно поэтому мы поставили Стоянова и Зеленина, которые хорошо знают дело. Разобраться, кто из них прав, мы с тобой не можем.

– Но и загубить второй набор мы не имеем права, – вставил Виталий Аркадьевич.

– Вот именно, – кивнул Василий. – Поэтому решение нужно принимать стратегическое. Я имею в виду, что каким бы ни был второй набор, мы не должны ставить под удар саму идею проекта. Не забывай, я его придумал, но деньги под него дают другие. Не будет финансирования, не будет и проекта. Зеленин – не просто мой человек. Он рекомендован мне теми, кто финансирует наше дело. И если Стоянов будет с ним воевать, нам это боком выйдет.

– Но Стоянова тоже нельзя отдавать, – возразил Виталий Аркадьевич. – У него есть выходы на самый верх, ты это прекрасно знаешь.

– Знаю.

Василий Валерианович снова принялся расхаживать по кабинету.

– Поэтому я предлагаю тебе вот что...

Через несколько минут Виталий Аркадьевич заметно повеселел. То, что предлагал его давний приятель, было сложной, многоходовой комбинацией, но позволяло решить проблему, которая еще недавно казалась ему почти неразрешимой.

* * *

Первый удар был нанесен в челюсть, и Никита сразу почувствовал на прикушенном языке вкус крови. Он не успел ничего сказать, когда последовал второй удар, за ним – третий. Теперь его били в живот. Двое держали его за руки, а третий методично наносил удар за ударом.

– Ну как? – поинтересовался один из тех, кто держал Никиту. – Хватит? Или продолжим?

Никита молча кивнул. На большее у него сил не хватало.

– Чего киваешь-то? Продолжать, что ли?

– Нет, – с усилием выдавил он. – Не надо. Я скажу.

Его тут же усадили на диван. Двое уселись рядом, по обеим сторонам, чтобы успеть схватить его, если начнет дергаться. Третий, тот, который его только что бил, деловито открыл большую сумку, вытащил оттуда сначала небольшой диктофон, потом видеокамеру. Диктофон поставил на столик рядом с диваном, а камеру водрузил на плечо.

– Начинай. Сначала представься, назови свое имя и фамилию, год рождения и адрес. Потом будешь отвечать на вопросы.

– Мамонтов Никита... – пробормотал он невнятно.

– Четче! Громко и внятно. Еще раз.

Никита собрался с силами. Он не понимал, чего от него хотели эти люди. То есть он понимал, конечно, они с самого начала заявили, чего хотят, но он не представлял себе, зачем им это нужно. Если бы они были из милиции... Но нет, не похоже. С милицией он уже имел дело.

– Мамонтов Никита, семьдесят первого года рождения, живу в Москве по адресу...

– Вот, уже лучше, – шепотом похвалил его тот, что сидел слева.

– Ты привлекался по делу об убийстве на Павелецком вокзале?

– Да.

– В каком году это было?

– В прошлом.

– Конкретнее, – потребовал тот, что стоял перед ним с камерой.

– В девяносто пятом.

– Значит, уже в позапрошлом, – уточнил тот, что сидел справа. Он тоже говорил шепотом.

– А, ну да, в позапрошлом, – послушно согласился Никита.

– Почему же тебя не посадили?

– Доказательств не было.

– Расскажи, как было дело. Подробно.

– Мы должны были встретить поезд...

– Кто это – мы? Я же сказал: подробно.

Никита рассказывал о совершенном полтора года назад убийстве, проклиная все на свете, но в первую очередь – себя, свою слабость. Он боялся боли, он никогда не участвовал в драках, и при помощи силы из него можно было веревки вить. Тогда, в девяносто пятом, его много раз допрашивали, но допросы он вынес легко. Он был неглупым парнем, обладал хорошей памятью и смекалкой, поэтому в показаниях не путался, твердо стоял на своем, быстро поняв, что прямых доказательств у следствия нет и менты только ждут от него ошибки, уцепившись за которую его будут раскручивать. Он такой возможности им не дал, и его отпустили с миром, а то убийство так и осталось нераскрытым. От корешей он наслушался всяких страстей про то, как в милиции бьют, и понимал, что, если его ударят хотя бы два раза, он расколется. Но его почему-то не били. И это его спасло.

А вот сегодня явились эти трое, заломили руки и стали избивать. Ему было очень больно и очень страшно. И он рассказал им все.

* * *

Настя очень боялась, что прощальный вечер у Гордеева получится грустным, но ее опасения, к счастью, не оправдались. Тон задал сам Виктор Алексеевич, который много шутил, в основном на тему: кот из дому – мыши в пляс.

– Знаю, знаю, – приговаривал он, – рады до смерти, что я наконец от вас уйду и перестану приставать со своими завышенными требованиями. Вот уж вам свобода будет с новым-то начальником.

Новый начальник тоже был здесь, шутки Гордеева охотно поддерживал и вообще показал себя обладателем живого и тонкого юмора. Рюмки не боялся, пил наравне со всеми, но видимых признаков опьянения не обнаруживал.

Поскольку, кроме жены Гордеева, Надежды Андреевны, Настя была в этой компании единственной женщиной, она рьяно взялась помогать хозяйке на кухне. В один из таких моментов, взявшись вымыть тарелки перед подачей горячего, Настя осталась на кухне одна. Перемыв посуду, она собралась было уже выйти в комнату, но неожиданно передумала. Навалилась тоска, в горле встал противный ком, к глазам подступили слезы, и она присела за кухонный стол, налила себе стакан воды из-под крана и закурила. Да и от шума захотелось отдохнуть.

– Вы опять прячетесь? – раздался у нее за спиной голос Мельника.

Она обернулась и сделала приветливое лицо. Барин стоял рядом с ней, держа в руках рюмку и бокал.

– Давайте выпьем, Анастасия Павловна, – сказал он, протягивая ей бокал. – Это мартини. Меня предупредили, что ничего другого вы не пьете.

Пить ей не хотелось, тем более с Бариним. Но и отказываться неприлично. Настя взяла бокал и вопросительно посмотрела на начальника.

– За что будем пить?

– За нас с вами.

– То есть?

– За нас с вами, – повторил Мельник с улыбкой. – За то, чтобы у меня, вашего нового начальника, и у вас, лучшего аналитика Петровки, получилось плодотворное сотрудничество. Я знаю, что вы пользуетесь заслуженным авторитетом среди коллег, и от вашего отношения ко мне зависит и отношение ко мне всех остальных. Поэтому наши с вами деловые отношения должны стать добрыми и строиться под знаком взаимопонимания. За это я и прошу вас выпить вместе со мной.

Ну что ж, подумала Настя, по крайней мере откровенно. Он, со свойственным ему мужским шовинизмом, считает женщину в любом деле самым слабым звеном, поэтому и видит ее в качестве самой легкой добычи. Переманив в свой стан сначала ее, потом взявшись за других сотрудников, мягких и не строптивых по характеру, он постепенно переведет количество в качество, заручившись поддержкой большинства, после чего и с меньшинством справится.

Она слегка приподняла бокал и выпила мартини, не чокаясь с начальником. Надо было бы улыбнуться, но настроения нет... Барин осушил рюмку одним глотком.

– Что ж вы пьете не чокаясь, как за упокой души? – пошутил он.

– Извините, я далека от этих правил, – сдержанно ответила Настя.

Мельник поставил рюмку возле раковины и открыл духовку. Слабый запах запеченного мяса сразу стал сильным, разлившись по всей кухне.

– По-моему, готово, – сказал он. – Позвать Надежду Андреевну, или сами справимся?

– Я все сделаю.

– Я вам помогу, – с готовностью откликнулся Барин, снимая с крючка рукавички из толстого сукна. – Женщина с такими руками не должна таскать горячие тяжелые противни. Я

вам, кстати, еще с утра хотел сказать, да все случая подходящего не было. У вас удивительно красивые руки, Анастасия Павловна.

Настя с удивлением посмотрела на начальника, потом перевела глаза на свои руки.

– Вы что, ухаживаете за мной? – спросила она.

– Почему вас это удивляет? Разве другие мужчины за вами не ухаживают?

Настя с неудовольствием подумала, что Барин прибегает к старым дешевым приемам, а у нее нет практики, она к таким ситуациям не очень-то привычна. За ней действительно редко ухаживали, да что там редко, почти никогда. Конечно, мужчины оказывали ей знаки внимания, но это, как правило, бывало связано с работой, с теми делами, которыми она занималась. Однажды ей подарили огромную охапку роз, но цветы прислал представитель мафии, чтобы уговорить ее помочь в раскрытии тяжкого преступления. В другой раз ей прислали прямо домой букет гладиолусов в большой хрустальной вазе, но это тоже была мафия, только уже другая, которая, наоборот, хотела заставить ее отказаться от расследования. Несколько раз ее приглашали в рестораны, иногда она принимала приглашения, иногда отказывалась, но опять-таки это было связано с необходимостью встретиться или поговорить с нужными по работе людьми. И комплименты Настя чаще всего слышала не от искренних поклонников (каковых у нее, в сущности, и не было никогда), а от людей заинтересованных, желающих расположить ее к себе.

– Нет, – сказала она спокойно, но все же не сумев скрыть раздражения, – мужчины за мной не ухаживают. Вероятно, им известно, что у меня есть муж, конкурировать с которым им не под силу, поэтому и не пытаются.

– Вот как?

Барин пододвинул себе табурет и уселся рядом с Настей, совсем близко. Так близко, что коленом касался ее бедра.

– И чем же так опасен ваш супруг? Он чемпион мира по кикбоксингу?

– Владимир Борисович, я не намерена обсуждать с вами своего мужа. Если вам интересна формальная сторона вопроса, возьмите в отделе кадров мое личное дело, там все написано.

– А если меня интересует неформальная сторона?

– Неформальную сторону я обсуждаю только с самыми близкими людьми. И пожалуйста, господин начальник, не надо смотреть на меня так многозначительно. Я уже давно вышла из того возраста, когда такие взгляды могут произвести впечатление.

Мельник расхохотался. Смеялся он от души, весело, заразительно.

– Вы очаровательны, Анастасия Павловна! Почему вам всюду мерещится подвох? Неужели вас кто-то так сильно испугал в этой жизни, что вы готовы в самых невинных вещах видеть гадость и попытку вам навредить? Будьте проще. И сами увидите, что вам станет легче жить. Вы даже не замечаете, что своей хронической подозрительностью обижаете людей, которые не хотят вам ничего дурного.

Он положил ладонь поверх Настиной руки, лежащей на столе. От такой фамильярности она оторопела. Ладонь у Мельника была теплой, но Насте, у которой из-за плохих сосудов руки почти всегда были холодными, она показалась горячей грелкой.

– Между прочим, вы собирались заняться мясом, – напомнила Настя, резко вставая и отходя чуть в сторону.

Мельник тоже поднялся и снова взялся за суконные рукавички. Вытащив из духовки противень, он ловко переложил большой кусок запеченного мяса на разделочную доску и принялся отрезать одинаковые по размеру и толщине ломти и раскладывать их на стоящем здесь же блюде. Он стоял спиной к Насте, и она собралась было уже незаметно выйти из кухни, когда ее остановил голос Барина:

– Анастасия Павловна, я ждал вас сегодня в шесть часов с докладом, но вы не соизволили прийти, хотя были на месте. Должен ли я расценивать это как акт демонстрации, или вы просто забыли?

– Я заходила к вам ровно в шесть, но вас не было на месте.

– Я был у генерала и вернулся в десять минут седьмого.

– Но я же не могла знать, что вы с минуты на минуту вернетесь. Дверь в ваш кабинет была заперта, и я с чистой совестью ушла к себе, подумав, что, если я вам нужна, вы меня сами вызовете.

– Скажите, в вашем отделе принято считать такое оправдание достаточным?

– В нашем отделе никому никогда не приходилось оправдываться перед начальником по такому поводу, – сухо ответила Настя. – Виктор Алексеевич хорошо понимал, что сыщик не может спланировать свой день с утра таким образом, чтобы ровно в шесть явиться с докладом. Работа такая специфическая. Чтобы явиться ровно в шесть, он должен в три часа вообще закончить работать по раскрытию преступления, сидеть в кабинете и писать бумажки. Потому что если он в половине пятого найдет свидетеля, за которым полмесяца гонялся, и сумеет его разговорить, то в четверть шестого ему придется сказать: извините, гражданин, душевная у нас с вами беседа получается, но я вынужден отложить ее до завтра, потому что у меня начальник самодур.

Мельник повернулся к ней, держа в руке нож. На лице его было написано любопытство, как у энтомолога, разглядывающего невиданное доселе насекомое.

– Вы что, совсем не боитесь начальников?

– Нет. Совсем не боюсь. Я больше десяти лет проработала с Гордеевым и привыкла к мысли, что хороший начальник – тот, которого уважаешь, а не тот, которого боишься. И потом, я не боюсь, что меня выгонят.

– Совсем не боитесь? – вздернул брови Мельник. – Уверены в своей незаменимости?

– Не в этом дело. Пока я работала у Гордеева, мысль об уходе вызывала у меня ужас. И я действительно боялась сделать что-нибудь не так, нарушить какую-нибудь инструкцию и оказаться уволенной. А теперь мне все равно. Поймите меня правильно, Владимир Борисович. Я не хочу вас обидеть, но мне безразлично, у какого начальника работать, если этот начальник не Гордеев. Поэтому я и вас не боюсь. Не сработаемся – уйду.

– К Заточному? Или в ваших запасниках есть еще какие-нибудь генералы?

Вот это уже был удар ниже пояса. Сидел тут, понимаешь ли, глазки строил, коленками прижимался, про мужа расспрашивал, делал вид, что ничего о Насте не знает, а сам, оказываясь, неплохо подготовился, справочки навел и даже сплетен подсобрал с миру по нитке.

Настя попыталась собраться с мыслями, чтобы ответить правильно и при этом не сказать глупую дерзость, но в этот момент из комнаты прибежала жена Гордеева Надежда Андреевна.

– Господи, я с Мишенькой заболталась, совсем про мясо забыла!

– Ничего, Надежда Андреевна, – весело отозвался Мельник, – мы с Анастасией Павловной его старательно караулили и момент не упустили.

Он отошел от рабочего стола и сделал картинный жест рукой в сторону большого прямоугольного блюда, на котором были аккуратно выложены ровные одинаковые куски мяса.

– Все, дорогая хозяйка, можно подавать.

Надежда Андреевна подхватила блюдо и понесла его в комнату. Настя юркнула за ней следом, радуясь, что удалось естественным путем свернуть разговор, который вдруг принял такой неприятный оборот. Последним в комнату вернулся Барин и сразу включился в разговор с Гордеевым. До конца вечера он больше не заговаривал с Настей и даже не смотрел на нее. И она не знала, радоваться ей этому обстоятельству или насторожиться.

Глава 2

Никита лежал на диване, отвернувшись к стене и подтянув колени к груди. Его мучители давно уже ушли, беззлобно ткнув Никиту на прощание пару раз кулаками. Все тело болело, было трудно дышать, прикушенный язык все еще кровоточил, и от этого во рту был неприятный металлический привкус.

Записали его признание на диктофон и на видео – и ушли. Кто они? Зачем приходили? Зачем им его признание?

Первая мысль была, конечно, о том, что они все-таки из ментовки. Но, поразмышляв немного, Никита пришел к выводу, что это не так. Если менты в принципе могут вот так вломиться в квартиру и выколотить из тебя признание, то почему они сделали это сейчас, а не полтора года назад? Сейчас-то все это уже потеряло актуальность. Про того мужика, которого он замочил на Павелецком, уже и забыли все давным-давно. Сегодня даже про убийства всяких там звезд и крупных политиков дольше двух месяцев не помнят. А уж если это «шестерка» из мафиозной группировки, так кому он на хрен нужен через полтора-то года?

Поэтому вторая мысль, пришедшая в голову Никите Мамонтову, показалась ему куда более правильной. Нужен этот убитый только своим друзьям. Не понравилось друзьям, что в столице нашей Родины ихнего кореша порешили – и с комсомольским приветом. Им самим, конечно, милицейские разборки ни к чему, поэтому тот факт, что дело «повисло», им только на руку, но, однако же, милицейские дела – это одна песня, а дела личные, внутримафиозные, – совсем, можно сказать, другой романс. А подайте сюда того наглеца, который посмел нашего любимого кореша тронуть!

При такой постановке вопроса срок в полтора года не казался чем-то невероятным. У криминальных структур своя логика, не такая, как у милиции. Это менты всегда хотят скорей да быстрее, у них начальства выше крыши, а сбоку еще прокуроры погоняют. А «деловые» – они по-другому взаимные расчеты ведут. В тот момент, когда его, Никиту Мамонтова, на Павелецкий вокзал послали, промеж двумя группировками один счет был, на очко больше в пользу приезжих, и замоченный чужак этот счет сравнивал. А теперь, спустя полтора года, перевес мог вполне оказаться в пользу московских, и их «конкуренты» могут сделать из Никиты разменную карту.

Он вспомнил того опера с Петровки, который им тогда занимался. Всю душу прямо вынул своими разговорами, по три часа каждый день мурыжил Никиту, все расколоть пытался. Как же звали его? Ну, впрочем, неважно. Так вот этот опер говорил Никите: «Я знаю, что убийство совершил ты. Знаю – и все. А ты вот о чем подумай. Если я найду доказательства твоей вины, ты получишь срок. Солидный, но все равно это только срок. Понимаешь? Если ты успеешь обернуться раньше меня и напишешь явку с повинной, срок будет меньше. Если начнешь активно помогать следствию и дашь информацию о своих хозяевах, срок будет еще меньше. А вот если я не найду доказательств против тебя, ты останешься на свободе. И долго ты на этой свободе не проживешь».

Никита тогда ему не поверил. Его хозяева казались ему сильными, могущественными и вечными. Они его в обиду не дадут. Тем более он показал себя таким молодцом, от ментов вывернулся. Однако прошло полтора года, и все изменилось. Группировка, к которой он принадлежал, оказалась не такой уж могущественной и жизнеспособной. Внутренние распри ее ослабляли, да и милиция не дремала, кое-кого сумела зацепить и из общей кучки выдернуть. Месяца три назад жалкие остатки группы влились в другую структуру, более крупную и сильную, которая подмяла под себя хозяев Никиты Мамонтова. Но самому Никите в этой новой структуре места не нашлось. То есть не то чтобы его выставили без выходного пособия, но ясно дали понять, что не расстроятся, если он отвалит на все четыре стороны. Он не боевик, не

снайпер, не качок и не драчун, не мастер вождения и вообще никакими выдающимися талантами не обладает. Его прежние хозяева, мелочь пузатая, были каждой паре рук рады, особенно если эти руки принадлежат человеку трусоватому, которому легко приказывать. А у новых хозяев порядки другие. Там на каждое место чуть не конкурсный отбор, и такие, как Никита, им не нужны. Его, конечно, примут, ежели он захочет остаться, потому как на нем «мокрое» висит и свое право на принадлежность к структуре он этим как бы заслужил. Но на большее пусть не рассчитывает. Роль жалкого «приживалы» – вот тот максимум, который ему могут предложить.

Никита изобразил достойный отказ, сказал, что никаких обид и претензий у него нет, и с облегчением завершил свои отношения с криминальным миром. Он с детства был слабым и трусливым парнем, но к двадцати пяти годам хотя бы поумнел. Ему было девятнадцать, когда он дал втянуть себя в криминальные отношения, потому что не посмел отказаться. В двадцать четыре он совершил убийство, и тоже потому, что струсил и не посмел сказать «нет». Боялся, что будут бить. Но с того самого момента только и думал о том, как бы ему половчее соскочить. Все, хватит дурака валять. Надо браться за ум, получать профессию и спать по возможности спокойно. Однако «соскочить» с криминального, да еще и «мокрого» крючка оказалось не так-то просто. Малейший шаг в сторону расценивался как симптом «ссучивания» то в пользу милиции, то в пользу конкурентов. Неглупому, но слабому Никите так бы и сидеть веки вечные на мафиозной печке, если бы печка эта, к его счастью, не дала трещину и не начала разваливаться. Явное пренебрежение к себе со стороны новых хозяев Никита расценил как ниспосланную судьбой удачу, которая позволит ему наконец вести нормальный образ жизни, не вызывая ни гнева, ни подозрений, ни угроз. Во всяком случае, так он полагал. Но не тут-то было...

Выходит, прав бы тот опер. Недолго ему радоваться свободе. Как же его все-таки звали? Никита вспомнил, что оперативник тогда дал ему свои телефоны, и домашний, и служебный, и сказал:

– Как надумаешь дать показания, сразу мне звони. Не стесняйся, звони в любое время, даже ночью.

Бумажку с телефонами Никита нашел быстро. Он вообще любил во всем порядок и никогда ничего не терял. Вот, Коротков Юрий Викторович. И телефоны. А что, если позвонить? Теперь уже без разницы, можно и ему признаться в убийстве, все равно эти трое его признание записали. Но Коротков хотя бы посоветует, что делать.

Никита еще немного подумал, потом решительно снял телефонную трубку и набрал домашний номер Короткова. Было уже десять вечера, и он решил, что звонить на службу бессмысленно.

Ему ответил недовольный женский голос.

– Его нет. Что-нибудь передать?

– Я перезвоню попозже. Ничего, если через час?

– Звоните, – сухо сказала женщина и бросила трубку.

Но и через час Короткова еще не было дома. Никита решил сегодня больше не звонить, неприлично, всю семью перебудит. Лучше завтра с утра. Еще вопрос, помнит ли его этот Коротков. У него небось таких, как Никита, каждый день по дюжине.

* * *

Не успела Настя Каменская, придя утром на работу, снять куртку и повесить ее в шкаф, как к ней заявился Коротков.

– Аська, освежи мне память. Девяносто пятый год, убийство приезжего порученца на Павелецком вокзале. Там был фигурант Мамонтов Никита.

– Было такое, – кивнула Настя. – Тебе какая степень подробностей нужна? Все детали у меня в бумажках записаны, но их искать долго.

– Долго не надо, говори, что помнишь.

– А в чем дело-то?

– Мне этот Мамонтов только что позвонил и попросил о встрече. Я ему назначил на половину двенадцатого возле метро «Чертановская».

Настя в нескольких словах изложила Короткову все, что помнила по делу об убийстве на Павелецком вокзале. У нее была отличная память, чем и пользовались частенько ее коллеги.

– Значит, он был из группы Усоева, – задумчиво сказал Юра. – А группа Усоева, насколько я знаю, приказала долго жить. То, что от нее осталось, плавно влилось в группировку господина Ляшенко по кличке Лях. Что ж, по-видимому, мальчика Никиту что-то сильно не устраивает в нынешнем положении вещей. Это любопытно.

Все утро Настя провела за анализом сведений, имеющих или могущих иметь отношение к маньяку-душителю. Уже стали поступать один за другим акты судебно-медицинских экспертиз семи трупов, и из сопоставления заключений судебных медиков можно было тоже извлечь кое-какую информацию. Вот, например, по первому из обнаруженных трупов было отмечено, что на шее потерпевшего имеются следы ногтей, тогда как у всех последующих жертв при такой же силе сдавливания шеи следы ногтей отсутствуют. Из этого можно было сделать вывод, что убийца в период между первым и вторым преступлением остриг ногти. Замечательная деталь! Если бы по ней еще маньяка можно было найти...

Была, однако, и другая деталь. Судя по расположению кровоподтеков на шеех потерпевших, душитель был очень высокого роста. Задушенные имели рост от ста шестидесяти двух до ста восьмидесяти сантиметров, и во всех случаях локализация следов пальцев относительно края и углов нижней челюсти была такова, что позволяла утверждать: нападающий был выше жертвы. К сожалению, по локализации и направлению борозды от петли ничего интересного о преступнике сказать не удалось. Придушив жертву сильным нажатием на сонную артерию, он укладывал человека на пол, снимал с него шарф или платок и натягивал петлю, как было указано в заключении судебных медиков, «движением сзади наперед и сверху вниз, что подтверждается наличием косо нисходящей борозды в нижней части шеи». Эксперты полагали, что рост преступника должен быть не меньше ста восьмидесяти восьми сантиметров, а скорее всего – приближаться к двум метрам. Уже что-то. Можно попробовать поискать среди баскетболистов.

И еще одно. Самое, может быть, важное. Человек в двенадцатом часу ночи возвращается домой, входит в пустой подъезд. И тут на него нападают. Это только в сказках бывает легко и гладко. Что значит «тут на него нападают»? Душитель шел следом за жертвой по пустой улице, зашел вместе с ней в подъезд... Неужели люди могут быть так беспечны? А ведь эксперты утверждают, что ни один потерпевший не находился в сильной степени опьянения, когда все люди – братья, а любое море кажется по колено. Душитель шел навстречу жертве? Тогда тем более человек должен был испугаться или хотя бы насторожиться. И не дать схватить себя за шею так просто. Должны быть следы борьбы. А их практически нет. То есть потерпевший абсолютно не ожидал нападения, мускулы инстинктивно не напрягал и мгновенно терялся, как только пальцы душителя прикасались к сонной артерии. Этому может быть три объяснения. Первое: потерпевший знал убийцу и не боялся его. Проведенные проверки эту версию пока не подтвердили. Во всяком случае, общих знакомых у всех семерых потерпевших на сегодняшний день не выявлено. Второе: убийца появлялся внезапно, он не шел ни следом за жертвой, ни навстречу ей, он выныривал из темноты, где стоял, терпеливо поджидая запоздалого жильца. Теоретически это было возможно, но практически... Все подъезды, где были найдены трупы жильцов, хорошо освещены и не имеют «закутков», в которых можно долго прятаться и из которых можно внезапно вынырнуть.

Остается третье объяснение: потерпевший видел своего убийцу, но не испугался его и не ожидал нападения, хотя и знаком с ним не был. Кого можно не испугаться в двенадцатом часу ночи в пустом подъезде? Ребенка. Или женщины. Очень высокой женщины...

Из раздумий Настю вывел телефонный звонок. Она сняла трубку и услышала голос Короткова.

– Ася, глянь, пожалуйста, в свои бумажки, мне нужен адрес этого придурка Мамонтова. Я уже час его жду, окоченел совсем.

– Неужели не пришел?

– Не пришел, гаденыш. Найду – ноги повыдергиваю.

Настя быстро открыла сейф и вытащила папку с материалами за 1995 год, мысленно похвалив себя за предусмотрительность. Конечно, ей удобнее было бы хранить все материалы за год в одном месте, но она из необъяснимого чувства самосохранения все-таки делила их на две папки: в одну складывала итоговые справки, обезличенные, пестрящие цифрами и логическими построениями, но не имеющие ни одной фамилии, а в другой папке держала все текущие и черновые материалы с фамилиями, кличками, адресами, телефонами и прочими необходимыми сведениями. Каждую неделю все эти данные заносились в Настин домашний компьютер и там уже распределялись по директориям и файлам, формируя самые разнообразные сводки и таблицы, но здесь, в кабинете на Петровке, 38, информация хранилась в папках, причем далеко не всегда в идеальном порядке. Настя, правда, ориентировалась в этих бумажках легко, но посторонний человек никогда не нашел бы здесь нужный материал. Если бы все материалы были в одной папке, а папку эту унес два дня назад лично Барин «для ознакомления», то не видать бы Юрке Короткову нужного адреса как своих ушей. Пришлось бы через адресное бюро запрашивать, а в Москве Мамонтовых этих...

Она продиктовала Короткову адрес и на всякий случай телефон Никиты Мамонтова, проходившего в девяносто пятом году по делу об убийстве на Павелецком вокзале. Жил Никита очень далеко от «Чертановской», на другом конце города, в Отрадном.

– Ты прямо сейчас к нему поедешь? – спросила она.

– Как же, разлетелся, – зло фыркнул Коротков. – Я и так целый час впустую потратил. Я ему специально на «Чертановской» назначил встречу, у меня в этом районе два дела, которые надо сделать. Одно, кстати, по твоему душегубу. Вот закончу здесь все, что запланировал, потом, может быть, к Никите загляну, если ноги еще носить будут. Все, подруга, побежал.

* * *

Это была классическая ловушка, которую расставляли сотни раз и в которую попадались сотни людей. Более того, она была описана в десятках детективных романов и показана в десятках кинофильмов. Но в нее все равно продолжали попадаться.

Майор Коротков был опытным оперативником. Поэтому сначала он долго звонил в дверь квартиры Никиты, потом осторожно толкнул ее. Убедившись, что дверь открыта, он не стал заходить внутрь, притворил дверь и позвонил в соседнюю квартиру. Ему открыла молодая женщина с годовалым карапузом на руках. Юра показал ей раскрытое удостоверение.

– У вашего соседа дверь не заперта, – сказал он, – а на звонки он не отвечает. Вы позвольте мне позвонить в милицию?

– Так вы же сами милиция, – рассмеялась молодая мама.

– Один милиционер – не милиционер, – доверительно понизив голос, сообщил Коротков.

– Как это?

– А вот так. Нам тоже свидетели нужны, как и всем остальным. А то я сейчас зайду в квартиру к Никите, а окажется, что там воры побывали. И я никогда в жизни не докажу, что сам тоже ничего не прихватил, воспользовавшись случаем.

– Так давайте я с вами зайду, – с готовностью предложила соседка Никиты. – И если надо будет, смогу подтвердить, что вы ничего не брали. Хотите?

Коротков не хотел. Совсем ни к чему втягивать эту милую молодую мамочку в дело об убийстве. А то, что дело это именно об убийстве, а не о квартирной краже, он уже не сомневался. Юрий Коротков был опытным сыщиком.

* * *

Валентин Баглюк всегда тяжело переносил похмелье. Вообще-то пил он нечасто, только когда оказывался в хорошей теплой компании, но тут уж имел обыкновение набираться под завязку, то есть до провалов памяти и полной потери ориентации. И каждый раз следом за этим прекрасным вечером наступало утро. Ужасное. Омерзительное. Такое тяжелое, что казалось Вале Баглюку последним утром в его такой недолгой жизни.

Работал Баглюк в популярной московской газете, известной своим пристрастием к скандальным разоблачениям и «жареным» фактам. Проснувшись сегодня поутру, он подумал, что больше никогда уже не напишет в свою газету ни одного материала. По той простой причине, что сегодняшнее утро будет последним в его жизни. Ну черт возьми, ну зачем он вчера так набрался? Вот ведь каждый раз одно и то же: знает, каково будет на следующий день, но все равно пьет, причем чем больше пьет, тем туманнее делается перспектива утренних похмельных страданий. Утро – оно когда еще будет, а веселье и душевный подъем – вот они, прямо сейчас.

Одним словом, плохо было Валентину. Мучился он. И даже почти плакал от дурноты и собственного бессилия. Потому что одно он знал точно: опохмеляться нельзя. Если начнешь по утрам опохмеляться, значит, ты уже законченный алкоголик. И хотя по рассказам друзей Баглюк знал, что опохмелочные сто граммов мгновенно приведут его в человеческое состояние, он мужественно терпел и перемогался.

С трудом донеся тело до ванны, Валентин втащил себя под душ и сделал воду похолоднее. Минут через десять стало чуть-чуть легче. Когда-то, еще при советской власти, в аптеках продавались замечательные таблетки аэрон. Теперь их уже давно не выпускали, но Баглюк еще в те давние времена ухитрился закупить аэрон впрок, благо при правильном хранении срок годности у таблеток был аж до девяносто восьмого года. Таблетка аэрона в сочетании с таблеткой новоцефальгина давала неплохой эффект при похмельных головных болях и тошноте.

Он уже вышел из ванной, достал заветные лекарства и приготовился запить их водой, как зазвонил висящий на кухонной стене телефон. Баглюк решил не подходить. Разговаривать сил не было. Звонки все не прекращались, а телефонная розетка была неразъемной. Чтобы отключить телефон, нужно было брать в руки отвертку, садиться на корточки, вывинчивать шурупы и отсоединять клеммы. О таких сложных процедурах Валентин в его нынешнем состоянии и помыслить не мог. Более того, аппарат был старый, регулятор громкости звонка давно сломался, так что и сделать звук потише никакой возможности не было. Разве что пойти в комнату и принести подушку... Да что с ней делать, с подушкой этой? Телефон-то висит на стене, а не стоит на горизонтальной плоскости. Нет уж, лучше снять трубку, а то у него от этих душераздирающих звонков сейчас судороги начнутся. О господи, зачем он вчера столько пил!

– Алло, – умирающим голосом пробормотал в трубку Баглюк, надеясь сойти за тяжело-больного и тем самым смутить настырного абонента.

– Валентин Николаевич? – послышался совершенно незнакомый голос.

– Да, я вас слушаю, – откликнулся Баглюк, представляя себя в этот момент на сцене в роли Маргариты Готье в финале.

– Вас интересует материал об убийстве?

– Смотря о каком.

– Убийство совершено вчера. А убитый – осведомитель Петровки. Вспомните, в ряде газет прошли публикации о том, что милиция вербует людей, использует их, а потом бросает, как отработанный материал. Осведомитель становится никому не нужен, более того, даже тайна его имени перестает охраняться. И вот результат. Почему-то ваша газета, такая популярная и любимая москвичами, эту тему ни разу не затронула. Вам это что, неинтересно?

Баглюк стал быстро оживать. Пожалуй, он еще не в финале пьесы, когда Маргарита умирает от чахотки. Действие отодвигается ближе к середине.

– Нам это интересно, но у нас не было материала. Таких случаев, о которых вы говорите, было немного, и каждый раз другие газетчики оказывались первыми. А когда материал неэксклюзивный, это уже все не то.

– Тогда тем более вас это должно заинтересовать, – произнес незнакомый собеседник. – Потому что вы – первый, кто узнал, что убитый вчера Никита Мамонтов был осведомителем и состоял на связи у сотрудника отдела по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями.

– Но мне нужны доказательства, – осторожно сказал Баглюк. – Вы же знаете, наша газета и без того была втянута в несколько судебных процессов из-за публикаций, построенных на непроверенных данных.

– Разумеется, – спокойно ответил незнакомец. – Доказательства я вам предъявлю. Мы будем договариваться с вами о встрече, или вы хотите подумать?

– Я хочу понять, в чем состоит ваш интерес. Почему вы предлагаете материал именно нашей газете и именно мне? И что вы хотите взамен?

– Объясню. Ваша газета – единственная из ежедневных изданий, где могут потянуть материал такой степени сложности. Конечно, в «Совершенно секретно» или «Криминальной хронике» есть профессионалы, которые лучше вас разберутся в материале и подадут его более эффектно, но эти издания выходят раз в месяц. А остывшее блюдо теряет всю свою привлекательность. Теперь что касается моего личного интереса. Я работаю в правоохранительных органах, и мне небезразлична судьба агентурно-оперативной деятельности. К сожалению, при существующем сегодня положении вещей судьба эта незавидная. И я хочу сделать все, чтобы переломить сложившуюся тенденцию, в том числе и организовать кампанию в средствах массовой информации, которая заставила бы наших руководителей наконец задуматься о том, что система раскрытия преступлений и розыска преступников разваливается на глазах.

Это показалось Баглюку убедительным. Во всяком случае, ему уже приходилось встречать таких людей, которые пытались бороться за идею при помощи скандалов в прессе. Правда, эти идеи были всегда политическими, а не сугубо профессиональными... Зато материальчик можно будет сделать – прелесть! Пальчики оближешь.

* * *

Юра Коротков приходил на работу очень рано. Обстановка дома была невыносимой, и он обычно старался встать, позавтракать и уйти до того, как проснется жена, чтобы не нарываться на очередной скандал и не портить себе настроение на весь день. Сегодня он тоже пришел пораньше и уже без четверти восемь сидел в кабинете, который занимал вместе с Колей Селуяновым, и переписывал на чистые листы ту информацию, которую сумел собрать за вчерашний день. Информация эта записывалась по ходу на самые разнообразные клочки и обрывки бумаги, сигаретные пачки, обертки из-под шоколадок и прочие «бумажные носители».

В десять минут девятого звякнул внутренний телефон.

– Юрий Викторович, – послышался голос Мельника, – зайдите ко мне.

Коротков с удивлением глянул на часы и отправился к начальнику. Владимир Борисович встретил его ледяным молчанием. Только швырнул на длинный стол для совещаний какую-то газету и встал у окна, повернувшись к Короткову спиной. Юра взял газету, недоуменно

пробежал глазами по заголовкам и наткнулся на тот, который был выделен ядовито-зеленым маркером: «Трупы на свалке». Материал был приличным по объему, занимая целый «подвал» на второй полосе. И начинался довольно эффектно.

«— Он мне сказал: «Я знаю, что это ты убил. Может быть, я не сумею это доказать, но я все равно это точно знаю...»

Красивый оборот, не правда ли? Перед вами расшифровка диктофонной записи признания в убийстве, совершенном в девяносто пятом году. Молодой человек по имени Никита (фамилию мы пока не называем) сразу же попал в поле зрения уголовного розыска, был задержан и в течение почти месяца интенсивно допрашивался. Более того, как мы с вами теперь знаем, сотрудники милиции были уверены в том, что убийца – он. Знали это совершенно точно. Знали – и... отпустили Никиту.

«Как же так?» – спросите вы. Почему же отпустили, если точно знали, что он виновен? Разве Никита был крутым мафиози и сумел всех купить? Нет. Он был обыкновенным молодым человеком, связанным с криминальной группировкой, но далеко не самой мощной. Может быть, у него влиятельные родители, которые сумели организовать давление в духе хорошо известных традиций «телефонного права»? И снова я отвечу: нет. Мама у Никиты работает врачом в детской поликлинике, а отца нет уже много лет. Так в чем же дело? Почему он оказался на свободе?

Ответ прост. Никиту завербовали. Милиционеры сделали вид, что не могут найти доказательств его вины, скрыли эти доказательства от следствия и отпустили убийцу. А взамен получили информатора, осведомителя, который держал их в курсе дел той группировки, к которой принадлежал. Видите, как все просто?

Никита честно работал на милицию, трудился в поте лица. Постепенно группировка некоего Усоева (а принадлежал Никита именно к ней) начала распадаться. Некоторых членов очень удачно брали с поличным на всякой ерунде. В рядах преступников начались разброд и шатание, группировка ослабевала на глазах, и ее несколько месяцев назад прибрал к рукам другой авторитет, покруче и помощнее. Никите в новой «семье» места не нашлось. И именно поэтому он перестал быть нужным милиции. Не можешь давать информацию – катись на все четыре стороны, не путайся под ногами.

И ладно бы, если бы черная неблагодарность милиционеров ограничилась только этим. Так ведь нет. Они даже не позаботились о том, чтобы факт сотрудничества Никиты с уголовным розыском не стал достоянием гласности. И разумеется, слухи достигли заинтересованных ушей. В преступной среде измен не прощают, это вам, господа хорошие, не семейная жизнь. Никита забеспокоился, почувствовав, что вокруг него становится «горячо». И кинулся за помощью. К кому? Да к кому же еще ему бежать за защитой и советом, как не к тому оперативнику, на которого он работал и которому давал информацию! Мы располагаем записью и этого разговора, из которого вам кое-что станет понятным.

«— Алло, Юрия Викторовича можно?

– Слушаю.

– Моя фамилия Мамонтов. Никита Мамонтов. Вы меня помните?

Неуверенно:

– Нет, не припоминаю.

– Убийство на Павелецком вокзале. Ну как же, Юрий Викторович... Вы мне и телефоны свои оставили, чтобы я звонил, если что.

– А, да, вспомнил. И что вы хотите?

– Мне нужно с вами встретиться.

– Зачем?

– Это очень важно. Пожалуйста... Я не хочу по телефону. Это очень важно.

– Ладно, давайте в половине двенадцатого на «Чертановской». Сможете? Выход из последнего вагона, в тоннеле, возле лотерейного киоска. Знаете, где это?

– Да. Спасибо вам...»

Как видите, дорогой читатель, некий сотрудник уголовного розыска по имени Юрий Викторович вовсе не рвался встречаться со своим ставшим уже ненужным агентом. Более того, он довольно успешно делал вид, что вообще не помнит Никиту Мамонтова и не знает, кто это такой. Никита, чувствуя дышащую в затылок опасность, не просто просит о встрече – умоляет, чуть не плачет, а его милицейский шеф цедит слова сквозь зубы и милостиво соглашается.

Милая картинка, не правда ли? Только сейчас, господа хорошие, она перестанет быть милой. Потому что Никиту нашли мертвым. В собственной квартире. В этот же день. Кому-то очень не понравилось, что он хочет встретиться с сотрудником уголовного розыска. А может, это не понравилось самому Юрию Викторовичу? Вероятно, не случайно он первым оказался возле тела бывшего агента. Агента, который теперь стал ненужным, но слишком много знал...»

На этом фактологическая часть статьи заканчивалась, и дальше шли публицистические размышлизмы на тему о том, какая милиция плохая, не бережет агентов, которые жизнью рискуют, помогая раскрывать преступления. В тексте было великое множество намеков на то, что в устранении ставших ненужными агентов заинтересована и сама правоохранительная система, а не только преступный мир. Коротков снова нашел в тексте то место, где приводился его телефонный разговор с Мамонтовым. Да, все точно, слово в слово. Неужели он звонил ему по чьему-то приказу с телефонного аппарата, имеющего встроенный магнитофон?

– Я жду ваших объяснений.

Голос Мельника был холоден и скрипуч, как старый ржавый нож.

– У меня нет объяснений.

– Совсем нет? Вам нечего мне сказать?

– Я не понимаю, как это произошло. Но я могу рассказать то, что знаю.

– Вы не понимаете? – Мельник повысил голос. – Происходит расшифровка агентуры, вашей, Юрий Викторович, агентуры, а не чьей-нибудь, а вы не знаете, как это произошло? Позвольте спросить, кто же еще, кроме лично вас, мог знать имя агента?

– Вы ошибаетесь, – Юра старался говорить спокойно, но это ему плохо удавалось. – Никита Мамонтов никогда не состоял у меня на связи. Он не был моим агентом.

– Юрий Викторович, вы сами прекрасно понимаете, что это голословное утверждение. Я могу проверить все ваши документы по агентуре, и если я не найду там упоминания о Мамонтове, это все равно не будет означать, что он не сотрудничал с вами. Мы с вами не первый день на свете живем и отлично знаем, сколько у оперсостава не оформленной должным образом агентуры. Давайте пройдемся последовательно по тексту статьи. Вы работали с Мамонтовым в девяносто пятом году?

– Так точно.

– Вы действительно были уверены в его виновности?

– Да.

– Почему не нашли доказательств?

– Там все упиралось в свидетельские показания. Со свидетелями хорошо поработали люди Усоева, и мы ничего не смогли сделать. С точки зрения криминалистики убийство было совершено безупречно грамотно. Представьте: по перрону сплошной массой движется толпа людей, сошедших с поезда, а ей навстречу бежит другая толпа, потому что на соседний путь этой же платформы подали пригородную электричку. В таких условиях выявить следы, пригодные для идентификации, невозможно. Выстроить обвинение можно было только на показаниях свидетелей.

– Так, понятно. И вы Мамонтова отпустили?

– Не я, а следователь. Я-то тут при чем?

– При том, что вы не смогли найти способа доказать его вину. Вы действительно говорили Мамонтову, что уверены в его виновности, или это журналистский блеф, основанный на том, что сам Мамонтов теперь уже не сможет его опровергнуть?

– Да, товарищ полковник, я говорил это Никите. Он был очень неглупым парнем, но слабым. Запутать его в показаниях и поймать на лжи было трудно, поверьте мне, я пытался сделать это в течение почти месяца. Но оставалась надежда задавить его нашей уверенностью. К сожалению, расчет себя не оправдал, Мамонтов не поддался.

– Что было дальше? Вы его завербовали до того, как отпустить, или после?

– Владимир Борисович, я не вербовал Мамонтова. Даю вам честное слово.

– Да? А почему? Вы же сами сказали, что он был неглупым, но слабым. Такие обычно тяготеют своей принадлежностью к криминальным структурам и с удовольствием идут на сотрудничество с нами. Почему же вы упустили такую возможность?

Такого оборота Юра не ожидал. Почему он не попытался сделать из Никиты Мамонтова своего агента? Да потому что Мамонтов на эту роль совершенно не годился. Юре тогда даже и в голову не приходило попробовать обработать паренька. Трусливый, боящийся боли, он выложит все первому же встречному, который поднимет на него руку. Какой из него агент? Смех один.

– Мамонтов по психологическому складу не подходил для вербовки, – ответил Юра.

– Допустим, – кивнул Мельник. – И что было дальше?

– Не знаю, – пожал плечами Коротков. – Дело было приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению к ответственности. Мамонтова отпустили. Больше я его не видел.

– Как же тогда объяснить тот факт, что три дня назад он вам позвонил?

– Не знаю.

– Запись вашего телефонного разговора соответствует действительности?

– Соответствует.

– Вы можете это как-то объяснить?

– Нет, товарищ полковник, не могу. Могу только предположить, что звонил Никита с аппарата, имеющего встроенный магнитофон.

– Очень глубокое умозаключение.

Мельник помолчал, глядя куда-то в сторону, потом поднял на Юру колючие светлые глаза.

– Что вам сказал Мамонтов?

– То, что написано в газете, Владимир Борисович. Разговор приведен полностью.

– Не делайте из меня идиота! – взвился начальник. – Я спрашиваю, что вам сказал Мамонтов при личной встрече? Что у него случилось? Зачем он вам звонил?

– Мы с ним не встретились.

– Почему?

– Не знаю. Встреча была назначена в половине двенадцатого дня у выхода из метро «Чертановская». Мамонтов на встречу не явился.

– Это вы будете рассказывать кому-нибудь другому. А мне, будьте любезны, расскажите, как вы с ним встретились и что он вам говорил.

– Владимир Борисович, ну я даю вам честное слово, я не встречался с Мамонтовым.

– А что вы делали возле его квартиры в момент убийства?

Тьфу ты, с досадой подумал Коротков, вот уж точно всяко лыко в строку. Но надо признать, что опыт развязывания языка у нового шефа, безусловно, имеется. Вот ведь как вопрос поставил: что вы делали возле квартиры Мамонтова в момент убийства? Нужно отвечать предельно аккуратно, а не то привяжется, мол, откуда вы знаете, когда он был, этот момент убийства.

– Я поехал домой к Мамонтову, чтобы выяснить, что у него случилось и почему он не явился на встречу.

– Откуда такая забота?

– Я же понимал, что он мне не просто так позвонил. Вероятно, у него произошло что-то серьезное, раз он вспомнил обо мне. Было бы непрофессионально не обратить на это внимания. Я узнал адрес Мамонтова, закончил свои дела в районе Чертанова и только после этого поехал в Отрадное. Долго звонил в квартиру Мамонтова, потом обнаружил, что дверь не заперта.

– И, конечно, вошли в квартиру, – с нескрываемой злостью продолжил Мельник. – Там остались ваши следы, и теперь вы никогда в жизни не докажете, что они появились спустя некоторое время после убийства, а не во время совершения преступления.

– Это неправда, – твердо ответил Коротков. – Я не входил в квартиру. И моих следов там нет и быть не может.

Мельник вскинул на него вмиг потеплевшие глаза.

– Это правда? Вы не входили туда?

– Не входил. Владимир Борисович, вы же сами сказали: мы с вами не первый день на свете живем. Ловушка такая старая, что просто стыдно в нее попадаться.

– Ну слава богу!

Мельник обрадовался так явно, что Коротков, несмотря на кипевшую в нем ярость, не смог удержаться от улыбки.

– Хорошо, Юрий Викторович, подозрения в совершении убийства Никиты Мамонтова мы пока отводим. Но остается расшифровка агента. Давайте расставим все точки над «і». Мамонтов был вашим агентом, в этом у меня нет сомнений, и не пытайтесь меня здесь обмануть. И поскольку он был именно вашим агентом, вина и ответственность за его расшифровку лежит целиком и полностью на вас. Это ЧП. Это повод для служебного расследования. Мы должны выяснить, каким образом информация о вашей связи с Мамонтовым попала к убийцам, а потом к журналисту... К этому, как его... – Мельник взял газету и быстро поискал глазами подпись под статьей. – К Баглюку. Вы попали в крайне тяжелую ситуацию, майор Коротков, и я не представляю, как вы будете из нее выпутываться. Только недавно наш министр еще раз обратил внимание на недопустимость халатности в работе с секретными сведениями, особо подчеркивал, что это ведет к расшифровке спецаппарата. Если с вашей стороны была проявлена хотя бы малейшая небрежность, вы будете наказаны, и наказаны предельно строго. Идите.

Юра автоматически повернулся, вышел из кабинета и пошел по длинному коридору. Он ничего не понимал. Все, что говорил Мельник, было по существу правильным и достаточно логичным. Кроме одного: Никита Мамонтов никогда не был его агентом. Может быть, Никиту завербовал кто-то другой? Например, из подразделения по борьбе с организованной преступностью, поскольку парень принадлежал хоть и к плохонькой, но группировке. Главным же, однако, было совсем не это. Главным было начало этой проклятой статьи. Почему Мельник ничего не сказал об этом? Не заметил?

«Ну и влип же ты, Коротков», – сказал себе Юра, открывая дверь своего кабинета.

Глава 3

В десять утра, собрав сотрудников на ежеутреннее совещание, Мельник объявил:

– Сегодня ваш бывший начальник будет сдавать мне секретные дела. Прошу после шестнадцати ноль-ноль всех быть на месте. Я проверю ваши лицевые счета.

Оперативники с тоской завздохали. Они понимали, что мероприятие это обязательное, без него никак нельзя, но очень уж не хотелось день ломать. Все секретные дела, которые велись оперсоставом, числились за отделом, а точнее – за начальником, полковником Гордеевым. Сами же дела находились в сейфах у сотрудников вместе с замечательной бумажкой под названием «лицевой счет», в котором отмечалось наличие дел и их движение. Уходя с должности, Виктор Алексеевич должен был передать секретные дела по описи своему преемнику, а дальше все зависело от личности самого преемника. Он мог под честное слово принять дела, то есть взять из рук предшественника реестр, сделать вид, что читает его, расписаться в получении и положить в сейф. А мог и потребовать, чтобы все перечисленные в описи дела были ему предъявлены. Мельник, судя по всему, собирался идти по второму из указанных путей. Времени эта процедура должна была занять много, ибо всяческих секретных дел в сейфах у сотрудников было огромное количество. Если преступление не удастся раскрыть, следовательно выносит постановление о приостановлении уголовного дела, и оно благополучно отбывает в архив. У оперативников все совсем не так. По нераскрытому преступлению работа все равно продолжается, сыщики придумывают мероприятия и выполняют их, насколько хватает фантазии, сил и времени, а начальник их постоянно контролирует: мол, не забыли ли, что по убийствам пятилетней давности преступники не пойманы и до сих пор на свободе разгуливают. И ведутся эти оперативно-поисковые дела до морковкина заговенья, а проще говоря – либо до успешного раскрытия преступления, либо до истечения сроков давности по конкретному преступлению. А по убийствам эти сроки ох немаленькие. Десятками лет исчисляются. Вот и прикиньте, сколько дел находится в сейфах у оперативного аппарата...

Но плачь не плачь, а показывать дела все равно придется. И хорошо еще, если Барин только подержит их в руках, убедится, что папка есть в наличии, никуда не пропала, на том и успокоится. Гораздо хуже, если он захочет ознакомиться с делами. Проверить, стало быть, насколько добросовестно его новые подчиненные работают не только по текущим, но и по прошлым делам. И дела должны быть в полном порядке. Посему в этот метельный январский день сотрудники отдела по тяжким насильственным преступлениям, скрипнув зубами, оставили все дела, в том числе и неотложные, и занялись писаниной.

В половине пятого папки были сложены в кабинете Мельника, после чего Барин с милой улыбкой произнес:

– Я ознакомлюсь со всеми материалами, а потом проведу совещание, специально посвященное этому вопросу. Все свободны.

Сотрудники разбрелись по своим местам, прикидывая, что бы такое успеть сделать, чтобы хотя бы частично спасти так бездарно загубленный день. Прихрамывающий Коля Селуянов зашел к Насте и прямо с порога принялся ворчать на неправильно устроенную жизнь:

– Да что ж это такое, Аська, ну скажи ты мне на милость! Как началась невезуха с той аварии в ноябре, так и продолжается. Уже новый год начался, а она все со мной, как верная жена. Машину после аварии в сервис загнал, обещали к середине декабря сделать, а до сих пор не готово. Так и мотыляюсь по всему городу на своих охромевших ногах. Собирался сегодня в Федерацию баскетбола наведаться, как ты велела, так вот тебе, пожалуйста, проверяльщик на нашу голову свалился.

– Поедешь завтра, не нервничай, – попыталась успокоить его Настя.

– Тебе хорошо говорить, а у меня на завтра совсем другие дела придуманы. И потом, Ася, наш душитель – это же все-таки маньяк, не забывай. А вдруг, пока мы тут старыми, пыльными папками трясем да бумажки задним числом оформляем, у него опять обострение сделается и мы получим восьмой труп?

Николай был, конечно, прав. Работа по преступлению, где явно поработал убийца, имевший своей целью конкретную жертву, принципиально отличается от работы по поиску серийного маньяка. Если в первом случае человек уже убил того, кого хотел, и теперь все его действия будут направлены только на то, чтобы не быть найденным и разоблаченным, то маньяк обычно не останавливается «на достигнутом», он будет убивать с той или иной периодичностью, пока его за руку не схватят. Поэтому каждый день промедления чреват новым убийством. Утешением, хотя и слабым, служило в этой ситуации только то, что семь одинаковых убийств были совершены в течение очень непродолжительного времени, в период с 13 по 24 декабря, и со времени обнаружения последнего из семи задушенных потерпевших прошло уже больше двух недель. Иными словами, можно было надеяться, что у маньяка, если он действительно душевнобольной, было обострение психического расстройства, а сейчас он успокоился и в ближайшее обозримое время никого больше не убьет. Хотя с душевнобольными никогда нельзя знать наверняка...

– Как твои переломы? – спросила Настя.

– Болят, – вздохнул Селуянов. – Особенно когда погода меняется. Не знаешь, долго мне еще так мучиться?

– Всю жизнь, – улыбнулась она. – Может, болеть будет не так сильно, но окончательно все равно не пройдет. Так что готовься.

– Во утешила! Ладно, раз я сегодня к баскетболистам не попал, давай легенду пошлифуем. Что-то она мне не нравится. Ну какой из меня журналист, ты сама подумай. У меня на роже написано, что я складно три фразы написать не могу.

– Пусть будет не журналист, а научный работник. Например, социальный психолог или специалист по медицинской психологии. Хотя ты прав, Николаша, на научного работника ты тоже мало похож. Пожалуй, моя идея была не так хороша, как мне показалось сначала.

– Да нет, идея хорошая, но исполнитель не годится. Может, Мишаню пошлем?

– А что, – оживилась Настя, – правильная мысль. Мишенька вполне может сойти и за журналиста, и за ученого червя. Где он? Никуда не убежал?

Селуянов сорвался с места и, прихрамывая, выскочил из кабинета. Минут через пять он вернулся в сопровождении Миши Доценко, высокого, черноглазого и очень симпатичного оперативника, славящегося двумя вещами: умением работать с памятью свидетелей и потерпевших и любовью к модной, элегантной, «с иголочки» одежде. Была у Миши и третья особенность, о которой, правда, знали только его коллеги: он отчего-то трепетал перед Настей, ужасно ее стеснялся и называл исключительно на «вы» и по имени-отчеству, несмотря на пятилетнюю совместную работу и неоднократные просьбы «быть попроще».

Доценко тоже занимался душешителем, поэтому Селуянов перебрасывал на него визит к баскетболистам с чистой совестью.

– По одной из наших рабочих версий маньяка следует искать среди женщин очень высокого роста. Как вариант это может быть женщина-баскетболистка. Поскольку их в целом не очень-то много, они скорее всего составляют достаточно узкий круг, в котором информация расходуется быстро. А поскольку это все-таки женщины, хоть и очень высокие, надежды на то, что информация останется в тайне, вообще мало. Поэтому мы не можем допустить, чтобы пошли разговоры о поисках в их среде сумасшедшей маньячки-убийцы. Лучше уж сразу объявление во все газеты дать, эффект будет тот же. Мы с Колей думаем, что правильнее всего идти к ним с легендой о сборе материала для статьи или научной работы. Тема: образ жизни в спорте и его влияние на образ жизни вне спорта. Идея понятна?

– Не совсем, – признался Миша.

– Тогда объясню на пальцах. Насколько часто у спортсменов случаются психические или нервные срывы, связаны ли эти срывы с образом жизни человека, занимающегося большим спортом, влияет ли этот образ жизни на то, как человек живет и ведет себя впоследствии, когда уходит из спорта. Мешают ли нервные и психические расстройства эффективным занятиям спортом, например, может ли олигофрен или психопат стать чемпионом. И так далее на ту же тему. Задача – получить сведения о людях, которые могли бы проиллюстрировать указанную зависимость на собственном примере.

– Ясно. А документы?

– Вот, держи, – Селуянов протянул ему журналистскую карточку, которую получил сегодня утром и на которой красовалась его собственная фотография. – Сходи к ребятам, пусть с меня спишут, а на твое имя сделают. И книжки пойдешь почитать умные, слова выучи, чтоб за специалиста сойти.

– Коля, – с упреком произнесла Настя, – имей совесть.

– Да что вы, Анастасия Павловна, – лучезарно улыбнулся Доценко, – это я вас боюсь, а с Колей у меня разговор короткий. Просто в вашем присутствии я стесняюсь и делаю интеллигентное лицо.

Миша ушел переделывать документ, подтверждающий, что он является журналистом, работающим в каком-то малоизвестном издании. Когда-то главный редактор этого издания сильно пострадал от рук грабителей, но, надо отдать ему должное, хотя и не сумел оказать им сопротивления, зато смог взять себя в руки, сосредоточиться и запомнить их лица, одежду и манеру говорить с такой степенью точности, что наглецов взяли по приметам в течение суток, а все похищенное вернули владельцу. С тех пор он чувствовал себя вечным должником сыщиков с Петровки и по негласной договоренности всегда разрешал пользоваться прикрытием своего журнала, добросовестно подтверждая личность самозваных журналистов, если кому-то особо недоверчивому приходило в голову учинять проверки.

До семи часов Настя просидела на работе, думая не столько о преступниках и их жертвах, сколько о том, что сегодня вечером ее муж улетит в Штаты почти на три месяца. После долгих препирательств и бесконечного подсчета скудных финансовых средств ей удалось уговорить его принять приглашение Стэнфордского университета прочитать курс лекций по высшей математике. Платили американцы более чем прилично, и можно было наконец затеять в квартире ремонт и сделать хотя бы основные покупки, необходимость в которых назрела уже давно.

Леша должен был заехать за ней в четверть восьмого, и точно в назначенное время Настя стояла на улице возле проходной, привычно прикидывая, сколько ей еще придется здесь мерзнуть, пятнадцать минут или полчаса. Ее муж при всех его достоинствах опаздывал всегда и всюду, и можно было считать большой удачей, если он вообще являлся к месту встречи, а не ждал в противоположном конце города, в очередной раз что-то перепутав. Например, Чертаново и Черкизово, Бирюлево и Бибирево или Дмитровское шоссе и Большую Дмитровку. Настя старалась по возможности учитывать эту его особенность и не назначать ему встречи в местах, имеющих «рискованные» названия, но иногда даже она, знающая Алексея два десятка лет, не могла предугадать залихватские выражения его мысленных ассоциаций. Личным рекордом Алексея Чистякова было двухчасовое ожидание кого-то на станции метро «Римская», в то время как встреча должна была состояться у выхода из метро «Пражская». «Ну извини, – покаянно говорил он впоследствии, – я запомнил, что это какая-то европейская столица».

Правда, место Настиной работы он ни с чем перепутать не должен был, поэтому оставалась надежда, что опоздание будет связано только с его несобранностью и неумением рассчитывать время и учитывать возможные пробки на дорогах. Так и оказалось. Муж опоздал всего на двадцать минут, что при его характере можно было вообще считать досрочным прибытием. Увидев, что Алексей приехал на своей машине, Настя не на шутку расстроилась. Она была

уверена, что в аэропорт их повезет кто-нибудь из друзей или родственников, а машину Леша оставит в гараже возле дома своих родителей. Теперь получалось, что ей придется самой вести машину по дороге из аэропорта домой, а потом еще мучиться, не зная, что с ней делать.

– Лешик, ну зачем ты... – начала она унылым голосом, забираясь в теплый салон.

– Не ныть, – весело оборвал ее Чистяков. – Привыкай к автомобильной жизни. Вернусь – куплю тебе машину.

– Да на кой она мне сдалась! – возмутилась Настя. – Я терпеть не могу вождение. И вообще я машин боюсь. Мне и на метро очень славно. Оно меня везет, а я книжку читаю. И ни о чем не беспокоюсь. Если тебе так много заплатят, купи лучше себе новую тачку, а то в этой у тебя ноги еле-еле помещаются, смотреть больно, как ты скрючиваешься в бублик.

– Хорошо, – миролюбиво отозвался он, – приеду – обсудим.

– Ничего себе! А что мне с этой машиной делать, интересно знать? Ночи не спать, бояться, что ее угонят? Ездить на ней я все равно не буду.

– Ну, не будешь – отгони к моим старикам и поставь в гараж. Асенька, не злись, я так замотался сегодня, что не смог сам это сделать. Сама понимаешь, перед отъездом всегда внезапно вылезают какие-то неделанные дела.

– Ладно уж, – смягчилась Настя.

В Шереметьево они приехали вовремя, только-только объявили начало регистрации на рейс. Но очередь уже выстроилась огромная.

– Может, тебе не ждать? – неуверенно спросил Алексей. – Смотри, сколько народу. Давай прощаться, и поезжай домой.

– Ну уж нет, – засмеялась Настя. – Я должна своими глазами убедиться, что ты прошел таможеню.

– Зачем? – удивился он. – Какие тут могут быть неприятности?

– Да какие угодно. Я же не проследила за тобой, когда ты чемодан укладывал. А ты, солнышко, вполне мог что-нибудь не так сделать.

– Что, например?

– Например, ты взял с собой спиртовой лосьон против аллергии?

– Конечно, куда ж я без него. Меня от другой воды моментально всякой гадостью обсыплет.

– И таблетки взял антигистаминные?

– А как же. Не волнуйся, из лекарств ничего не забыл.

– Это ты волнуйся, дружок, потому что таможенник обязательно спросит, что у тебя в бутылочке, и потребует, чтобы ты ему флакон достал и открыл. А ты ведь наверняка положил его на самое дно. Вот и будешь на глазах у изумленной публики рыться в вещах, очередь задерживать. И в чемодане после этих поисков все комом будет. А на таможене могут и таблетки проверить. Так что, пока есть время, отойди в сторонку и аккуратно переложи все, что может вызвать сомнения, на самый верх. Рукописи лекций, кстати, тоже не забудь положить под самую крышку, чтобы доставать было удобно, они иногда проверяют, не вывозят ли гражданские секретные материалы. Иди, иди, я в очереди постою.

Алексей отошел, волоча за собой чемодан на колесиках, а Настя осталась в очереди, закурила и с вялым интересом принялась разглядывать отъезжающих и тех, кто их провожал. По одежде, выражениям лиц и количеству вещей, а также по провожающим ей удалось разделить всех стоящих в длинной очереди на несколько групп: тех, кто ехал в гости, тех, кто уезжал из гостей, а также тех, кто ехал в Штаты по делам или возвращался туда после деловой поездки. Она попыталась поставить себя на их место и с удивлением поняла, что никуда ехать ей не хочется. Настя Каменская вообще была ужасно ленива и больше всего на свете любила два места – свой диван дома и свой кабинет на работе. А уж что касается дальних поездок, то тут нужны совсем особые обстоятельства, чтобы сдвинуть ее хоть на шаг. От служебной команди-

ровки в Италию у нее остались приятные воспоминания, а больше она нигде за границей и не была. Конечно, ей хотелось посмотреть и Париж, и замки Луары, и Венецию, и Флоренцию, и Вену... Но если бы можно было это сделать, не вставая с дивана!

Когда вернулся Чистяков, Настя прошла уже полпути к заветной стойке таможенного досмотра.

– Ну все. Сделал, как ты велела, – доложил муж. – Теперь тебе уж точно не нужно ждать. Иди, Асенька, уже десятый час, ты и так дома будешь только около одиннадцати.

– Нет, я подожду, – упрямо возразила она. – Мало ли что. Придется тебя выручать. Пол-часа погоды не сделают.

– На улице минус двадцать, – увещевал ее Алексей. – Машина замерзнет, ты ее еще сколько времени потом греть будешь, пока заведешь. Чем дольше она на морозе стоит, тем дольше не заведется. Ну Ася...

– Нет. Не выпроваживай меня, Чистяков. Или у тебя назначено прощальное свидание с дамой?

– Да ну тебя. – Он безнадежно махнул рукой. – Тебя не переспорить. Упрямство раньше тебя родилось.

– Ты опять все перепутал, – засмеялась Настя. – Не упрямство, а лень.

Очередь почему-то вдруг начала двигаться намного быстрее, не прошло и десяти минут, как Алексей уже протягивал таможеннику паспорт, декларацию и разрешение на вывоз валюты. Настя оказалась права, к флакончику бдительный страж границ все-таки прицепился, потребовал достать его из чемодана и открыть крышку. Леша, полуобернувшись, кинул на жену изумленный взгляд. Настя подмигнула ему в ответ.

– Почему кольцо не указано в декларации? – строго спросил таможенник.

Настя мысленно чертыхнулась. Ну вот, не проследила – и опять что-то не слава богу. Конечно, Лешка написал, что изделий из драгметаллов у него нет. А про обручальное кольцо забыл напрочь.

– Но оно же обручальное, – растерянно ответил он.

– Оно золотое, – внушительно произнес таможенник. – Или вносите в декларацию, или отдайте сопровождающим.

Настя шагнула из-за перил заграждения к стойке и тронула мужа за плечо.

– Леша, давай мне кольцо.

Чистяков обернулся и кинул на нее уничтожающий взгляд.

– Я внесу его в декларацию.

Настя отступила назад. Дура она, дура! Да как она могла подумать, что Лешка снимет с пальца это кольцо! Ни за что на свете он этого не сделает. Она слишком хорошо знала своего мужа и понимала, что обручальное кольцо нельзя отнять у него даже под страхом смерти. Профессор математики, в чем-то суховатый, в чем-то раздражающе логичный, он бывал неожиданно сентиментальным, особенно в вопросах, касающихся его женитьбы на Насте. Он слишком долго ждал, слишком долго уговаривал ее выйти замуж, и теперь обручальное кольцо на пальце стало для него символом и одновременно талисманом, расставаться с которым нельзя ни при каких условиях.

Таможенник поставил отметки в исправленной декларации и вернул Леше документы. Чистяков подхватил чемодан, прошел несколько шагов вперед, обернулся, нашел Настю глазами и помахал ей рукой. Она помахала ему в ответ. «Ну вот и хорошо, почти без приключений», – подумала она.

Пророчество мужа сбылось. Машина замерзла так, словно простояла на морозе по меньшей мере неделю. Но Настя Каменская обладала умением не раздражаться и не злиться по поводу обстоятельств, изменить которые она не в силах. Поэтому она терпеливо прогревала двигатель, вернувшись мыслями к маньяку-душителю, загубившему в течение двух недель

семь жизней. И чем дольше она думала о нем, тем больше ей казалось, что это все-таки не ОН, а ОНА.

* * *

Образ жизни Евгения Парыгина сложился много лет назад и с тех пор не претерпел практически никаких изменений. Вставал он в шесть утра, делал сложную гимнастику, потом выходил на улицу для получасовой пробежки, принимал душ, плотно завтракал и шел на работу. Или оставался дома, если был выходной. Парыгин всегда отличался завидным здоровьем. Единственное, против чего у него не было защиты, это вирусы гриппа. Если на Москву обрушивалась очередная эпидемия, он обязательно заболевал, несмотря на скрупулезно принимаемые меры профилактики в виде витаминов и лука с чесноком.

В этом году, как только по радио прозвучали первые предупреждения медиков о надвигающемся особо зловредном гриппе с высокой температурой и симптомами отравления, Евгений немедленно начал есть витамины пригоршнями и запихивать в себя на ночь ненавистный репчатый лук, но все равно свалился с температурой под сорок и изматывающей рвотой. Четыре дня прошли как в кошмаре, но потом крепкий организм стал брать свое, и Парыгин быстро пошел на поправку. Врач из районной поликлиники дал больничный сразу на десять дней, поэтому можно было с чистой совестью не ходить на работу. Сегодня шел уже восьмой день, чувствовал себя Евгений более чем прилично и, привычно поднявшись поутру ровно в шесть часов, приступил к гимнастике, одновременно продумывая план на день. Это тоже было обязательной процедурой. Ни разу за последние тридцать лет из прожитых сорока восьми Евгений Парыгин не начал день, не имея в голове четкого плана и перечня необходимых дел.

От пробежки он решил все-таки воздержаться, памятуя о том, что высокая температура ослабляет сердце. Нельзя перегружаться, а то потом хуже будет. Приняв после гимнастики душ, он с удовольствием принялся за приготовление завтрака. Никаких яичниц, этим пусть питаются закоренелые холостяки, которые не заботятся об уровне холестерина в крови. Никаких сваренных наспех сосисок, в них все равно не мясо, а черт знает что пополам с бумагой и перемолотыми хрящами. Во-первых, обязательная овсянка. Овсянку он терпеть не мог, но мужественно ел каждое утро для профилактики желудочно-кишечных заболеваний. Хорошо, что в последний год в магазинах появилась английская овсянка с фруктами и орехами. Ее не нужно варить, достаточно только размочить в воде или молоке, и есть ее куда приятнее, чем кашу, однако Евгений позволял себе такое баловство далеко не каждый день. Ведь целебные свойства заключены не только в бесчисленных витаминах и минеральных веществах, но и в том, что каша – это каша, горячая и полужидкая, она благотворно действует на стенки желудка. Во-вторых, непременным атрибутом завтрака были маслины, один бутерброд с черной икрой и один средней величины гранат. О гемоглобине тоже надо заботиться, иначе слабость одолеет, а силы ему нужны всегда. В-третьих, Парыгин пил по утрам чай без сахара, но с курагой и изюмом для поддержания тонуса сердечной мышцы. И напоследок съедал горсть грецких орехов. Никогда не знаешь, что удастся съесть на обед и где будешь ужинать, поэтому все продукты из перечня обязательных Евгений предпочитал съедать утром, чтоб уж наверняка.

Он уже домучил овсянку и с удовольствием приступил к гораздо более приятным компонентам завтрака, когда позвонила Лолита.

– Жень, я не знаю, что делать, – простонала она. – Они опять позвонили. Говорят, если не найду деньги, возьмутся за Сереженьку.

– Понятно. Какой срок дали на этот раз?

– Неделю. Если через неделю денег не будет, они...

– Я же сказал: мне все понятно. Не паникуй, Лола. Ты где сегодня? На работе?

– А где же еще? Сейчас пойду. Я уже на пороге стояла, когда они позвонили.

- Я заеду к тебе. В районе обеда.
- А ты разве не на работе будешь?
- У меня больничный. Все, беги, а то опоздаешь.

Повесив трубку, Парыгин вернулся к неторопливому поеданию маслин. Лолита была женой его двоюродного брата, неудачливого бизнесмена. Причем неудачливого до такой степени, что кончилось все трагически. Брат по предложению какого-то малознакомого типа ввязался в операцию по покупке и перепродаже сливочного масла. Тип сказал, что можно за двадцать пять тысяч долларов пригнать вагоны с маслом и на продаже «наварить», по предварительным прикидкам, шестнадцать тысяч. Даже образец предлагаемого товара показал. Брат, не будь дурак, сходил с этим образцом, расфасованным в аккуратные пачки с золотистой оберткой, к предпринимателям, торгующим продуктами, и те сказали в один голос, что товар хороший и они его с удовольствием возьмут как раз по той цене, которая и позволит получить искомую прибыль. Тип, предложивший операцию, финансового участия в ней не принимал, оговорил только свой процент за успешную реализацию, и брат кинулся занимать деньги. Двадцать пять, между прочим, тысяч долларов. То есть совсем немало. Разумеется, под проценты, иначе сегодня не дают. Дальше все было просто и вполне прогнозируемо. Товар пришел. Однако оказался он, во-первых, совсем не того качества, а во-вторых, не расфасован. Пришлось брать в аренду склад-холодильник и нанимать рабочих для фасовки. Но масло все равно никто покупать не хотел. Тип, естественно, исчез с концами. Товар лежал на складе, за что, между прочим, приходилось платить. А проценты капали, капали, капали...

И накопили в целое море. Заимодатели явились к брату Парыгина требовать возврат долга или хотя бы проценты для начала. Брат продал все, что можно было продать, где-то еще подзаял и проценты выплатил. Через пару месяцев его снова нашли и потребовали вновь набежавшие проценты, а лучше – сумму основного долга. Короче, понял мужик, что влип окончательно и бесповоротно. И наивно решил, что коль сам во всем виноват, то и спрос только с него одного. Приставил пистолетное дуло к виску и выстрелил. Не учел, однако, что законами совести руководствуются отнюдь не все в окружающем его мире. Да и какая может быть совесть, если речь идет о таких деньгах. Нет в живых основного должника – за жену возьмемся. Пусть деньги ищет. А кого волнует, что жена бизнесом не занимается, осталась одна с семилетним сынишкой и никаких денег у нее нет? Даже продать нечего, потому как все, что можно, покойный муж уже однажды продал.

Парыгин со своим двоюродным братцем дружил с детства. И хотя о приключениях с маслом ничего не знал, иначе вправил бы ему мозги вовремя, но беду Лолиты принял близко к сердцу. У него была возможность раздобыть деньги, и он пообещал вдове, что сделает все возможное. Возможность, однако, «сделала ручкой». И нужно было думать, где срочно раздобыть нужную сумму, которая к сегодняшнему дню выросла почти до сорока тысяч великолепных конвертируемых американских долларов.

Вытаскивая из кружки размоченную ярко-оранжевую курагу, Евгений пришел к выводу, что надо спрятать Лолиту с сыном на квартире, где требовательные кредиторы их не найдут. Временно, конечно, пока он денег не раздобудет.

Закончив свой неторопливый, обстоятельный завтрак, он оделся и уже прикидывал, какую куртку надеть, потеплее или полегче, когда в дверь позвонили. «Наверное, врач из поликлиники, – подумал Парыгин. – Хорошо, что я не успел уйти. Может, еще больничный продлит».

Это, однако, был вовсе не врач. В квартиру вломились трое парней и мгновенно оттеснили его в комнату.

- Парыгин Евгений Ильич? – спросил один из них.
- Ну, допустим, – спокойно ответил он.

Он почти не испугался. Грабить его бессмысленно, никаких денег и ценностей в квартире не было. А если это милиция, то ради бога. С работниками милиции он разговаривать умел и никогда их особо не боялся.

Первый удар был нанесен мгновенно в солнечное сплетение. Парыгин машинально согнулся пополам и спрятал челюсть от второго удара. В том, что следующий удар они попытаются нанести именно в челюсть, он не сомневался. Удары в лицо всегда деморализуют сильнее независимо от степени болезненности. Ему стоило некоторого труда удержаться и не ввязываться в драку. Зачем этим бугаям знать, что удара в солнечное сплетение он почти не почувствовал? Благодаря многолетней специальной гимнастике натренированные мышцы живота вполне заменяли ему надежный щит.

Парыгин как бы с трудом поднял голову и запинаясь спросил:

– Что вы хотите?

– Мы хотим признания, – деловито сообщил ему самый низкорослый из гостей, начиная расстегивать объемистую спортивную сумку.

– Какого п-признания?

– В убийстве. Сейчас ты нам расскажешь, как полгода назад совершил убийство гражданина Шепелева и как тебе удалось увернуться от милиции. Потом мы уйдем. Вот и все. Видишь, как все просто? А главное, и не больно, если будешь правильно себя вести.

Парыгин распрямился и сделал шаг назад, к окну. Вроде бы попятился.

– Это какая-то ошибка... Я никого не убивал.

– Ну да, конечно, – кивнул тот, что был повыше ростом и пошире в плечах. – Ты это уже милиционерам рассказывал, когда тебя замели. Так что не трудись повторяться, нам это неинтересно.

Несколько последующих ударов пришлось по корпусу. Били вяло, без агрессии. Евгений умело делал вид, что ему больно, пропустил пять или шесть ударов, потом пробормотал:

– Ладно... Не надо больше... Я скажу.

Он лежал на полу под самым окном, раскаленная батарея приятно жгла плечо под тонким джемпером. Протянув руку к ближайшему стулу, он сделал вид, что ищет опору. Подтянув к себе стул, он молниеносно вскочил и изо всех сил ударил им в оконное стекло. Гости остолбенели. Парыгин жил на втором этаже, и ему было хорошо видно, как возле упавшего на тротуар стула стали останавливаться прохожие. Они задирали головы и указывали друг другу на разбитое окно. Даже голоса были слышны.

– Что-то случилось...

– Драка, что ли?

– Милицию вызвать...

– Может, человека убивают...

– Да наверное, просто пьяные...

Первым пришел в себя низкорослый, который уже успел вытащить из своей необъятной сумки видеокамеру.

– Уходим, – скомандовал он коротко, хватая камеру под мышку.

У самой двери он обернулся и злобно прошипел:

– Ну, сука, мы к тебе еще придем. Не обрадуешься.

Евгений молча смотрел им вслед. Потом снова отвернулся к окну, подождал, пока посетители выйдут из подъезда и сядут в машину – обыкновенные «Жигули», грязно-белые. Машина стояла так, что номер ему разглядеть не удалось.

Теперь следовало заняться окном. Только после этого можно будет сесть и спокойно подумать. Парыгин позвонил приятелю, который проблемы битых стекол решал в течение часа. Приятель не подвел, и уже через час в окно было вставлено новое стекло.

Квартира, однако, стала «горячей». Парыгин быстро побросал в сумку все необходимое, взял документы и сберкнижку, еще раз окинул взглядом жилище, которое собрался покинуть на неопределенное время, аккуратно запер дверь и вышел на улицу. Выброшенный стул так и валялся на тротуаре под окном. Людского любопытства и готовности прийти на помощь хватило ненадолго, даже милицию никто не вызвал. Но все равно прием сработал.

Зайдя в сбербанк, Евгений снял со счета пять миллионов. На первое время должно хватить, а там видно будет.

* * *

Выходя из машины, Василий Валерианович изо всех сил хлопнул дверью, стараясь вогнать себя в состояние раздражения и начальственного неудовольствия. Здесь, в учебном центре, все ходили в гражданском, человек в форме не мог появиться в этих стенах ни при каких условиях, однако молодой парень за стойкой у входа вскочил и вытянулся перед ним в струнку.

– Вас проводить?

– Сам дойду, – буркнул Василий Валерианович, точно зная, что как только он скроется за поворотом длинного коридора, мальчишечка тут же снимет трубку и доложит Стоянову, что, мол, шеф направляется к нему и пребывает в дурном расположении духа.

Так и получилось. По выражению лица Стоянова Василий Валерианович сразу понял, что тот уже предупрежден о надвигающейся грозе. Уж больно любезной и радушной была улыбка начальника учебного центра. Молча сняв пальто и барским жестом скинув его на руки Стоянова, Василий Валерианович пересек кабинет и уселся за стол начальника.

– Где твой заместитель? – сухо спросил он, глядя в сторону.

– У себя. Вызвать?

– Вызывай. И скажи, чтобы чаю принесли, холодно у вас.

Через несколько минут в кабинет вошел Зеленин, невысокий румяный крепыш с веселым лицом и неожиданно хмурым взглядом. Следом за ним протиснулась хорошенькая девица с подносом, на котором стояли чайник, сахарница и стакан, а также вазочка с конфетами. Василий Валерианович не торопясь налил себе чаю, положил сахар и долго, томительно долго размешивал его, позвякивая ложечкой о стенки стакана. Устраивать разбор полетов не хотелось, не было настроения. Но он понимал, что, ввязываясь в игру, надо доигрывать до финального свистка, а не уходить с поля в самый разгар только лишь потому, что у тебя настрой пропал.

– Итак, господа хорошие, прошу объяснить, почему с новым набором у вас два провала подряд. Сначала вы ухитрились нарваться на агента Петровки, и наши доблестные друзья из милиции теперь будут землю рыть, проясняя ситуацию вокруг Никиты Мамонтова. А сегодня у вас второе ЧП. Как это понимать?

– Василий Валерианович, – начал Стоянов, – у нас не было никаких данных о том, что Мамонтов состоял у кого-то на связи...

– Это не оправдание! – повысил голос Василий Валерианович. – Вы и не могли иметь этих данных, особенно если речь идет о хорошем агенте. Но вы, предлагая свою тактику набора, должны были это предвидеть. Это ты, Григорий, всю жизнь проработал в милиции, а не я. И ты должен был знать, какие осложнения могут возникнуть. Ты и никто другой. Ты что, маленький? Не знал, что агентуру вербуют среди криминального элемента? Ты должен был предвидеть, что, выискивая кандидатов на обучение, можно напороться на такого вот, как этот Мамонтов.

– Виноват, – пробормотал Стоянов.

– Конечно, виноват! А сегодняшний тип? Почему никто не подумал о том, что он может не растеряться и позвать на помощь? А ну как милиция поблизости оказалась бы? Привыкли, понимаешь, что если кто замаран, то ведет себя тише воды – ниже травы. А народ нынче не

такой пошел. Ему палец в рот не клади. Что ты о нем знал в тот момент, когда принимал решение посылать к нему своих недоумков?

– У нас были данные о том, что он подозревался в убийстве, совершенном полгода назад. И подозревался не без оснований. У розыскников были хорошие источники, подтвердившие его причастность, но доказательств, пригодных для следствия и суда, не нашли, поэтому Парыгина отпустили.

– Отпустили, отпустили, – передразнил Василий Валерианович. – Они-то отпустили, только и тебе в руки он не дался. И вообще, с чего ты взял, что уголовный розыск не ошибается? Сам работал, сам знать должен, что ошибаются гораздо чаще, чем хотелось бы. Может, они его зря подозревали, а Парыгин этот на самом деле чист как стекло. И вот сейчас, пока вы тут мне объясняете, какой он злодей и убийца, он уже в милиции сидит да заяву строчит на неких бандитов, которые к нему в дом вломились и требовали признаться невесть в чем. Что дальше будет, догадываешься? Нет, Григорий, так не годится. Надо что-то менять в твоей системе. А ты что скажешь? – обратился он к Зеленину.

Зеленин долго молча смотрел на Василия и только потом соизволил заговорить:

– Если позволите, Василий Валерианович, я изложу свою точку зрения. Хочу сразу предупредить: она не совпадает с точкой зрения Григория Ивановича.

– Ну, говори, – милостиво разрешил Василий.

– Я с самого начала был против того, чтобы набирать кандидатов на обучение в криминальной среде. Кроме того, я был против того, чтобы готовить их в закрытом учебном центре в условиях казарменного положения. Какова бы ни была цель обучения, впоследствии каждому выпускнику должна быть дана легенда, и возмись кто-нибудь ее проверить, сразу выплывут те четыре месяца, которые они провели здесь. Четыре месяца глухого отсутствия, которые обязательно насторожат проверяющего. Есть еще один момент, не менее важный. Жизнь меняется очень быстро, даже за четыре месяца можно от нее отстать. Человек, оторванный на четыре месяца от повседневной жизни, никогда не сможет полностью компенсировать этот отрыв. Даже если он будет ежедневно читать газеты и смотреть телевизор, все равно рано или поздно он допустит ошибку, которая специалисту сразу скажет о том, что его в этот период в Москве не было. И начнется накручивание одного на другое. Он вынужден будет быстро что-то придумать, чтобы объяснить свою неосведомленность, а это же всегда можно проверить и опровергнуть, было бы желание. Я считаю, что обучение должно проводиться в условиях дневного стационара, а не казармы. Что же касается контингента, то я полагаю, что кандидаты должны вообще отбираться из числа людей, никогда не попадавших в поле зрения правоохранительных органов.

– Это неправильный подход, – резко вступил Стоянов. – У нас должно быть оружие, при помощи которого мы можем держать человека в узде. Этим оружием может быть только страх перед разоблачением. Именно поэтому мы набираем людей, заведомо виновных в тяжких преступлениях, и заставляем их сделать признание под запись. После этого они делаются шелковыми. Никак иначе мы с ними не справимся.

– Ну, какими шелковыми они делаются, мы уже видели, – заметил Василий Валерианович. – Один побежал к оперу, с которым сотрудничал, просить помощи. А другой своими силами справился. Скажу больше. Эти два провала заставили меня обратиться к специалистам, и они сказали мне очень интересную вещь. Существует практика, когда преступление умышленно не раскрывается, а заведомо виновный отпускается на волю в обмен на согласие давать информацию. И практика эта существует очень давно. Ты, Григорий, знал об этом?

– Впервые слышу, – удивленно откликнулся Стоянов. – Не может такого быть.

– Может, дорогой мой, очень даже может. И есть. И было, и будет. И стыдно тебе, кадровому милиционеру, этого не знать. Ты сколько лет в уголовном розыске проработал?

– Двадцать четыре.

– Тогда тем более стыдно допускать такие оплошности. Даю вам обоим два дня на разработку новой концепции подбора и обучения кадров. Ваши взаимные разногласия меня не интересуют. Вы работаете в одной команде и будьте любезны снимать свои внутренние конфликты самостоятельно и не в ущерб тому делу, которое мы все вместе делаем. Через два дня я приеду сюда, и вы мне доложите свои соображения. Все ошибки должны быть в новой концепции учтены.

Василий Валерианович резко поднялся, показывая, что аудиенция окончена.

* * *

Стоянов проводил его до выхода, услужливо открыл дверь автомобиля и стоял на крыльце в одном костюме, пока машина Василия Валериановича не миновала пост у въезда на территорию учебного центра. Закурил, постоял задумчиво, оглядывая едва видные в темноте верхушки деревьев, потом раздраженно швырнул окуроч в снег и пошел к себе. Идя по длинному коридору, машинально искал глазами любой непорядок, к которому можно было бы прицепиться и сорвать зло хоть на ком-нибудь, но непорядка не было. Первая группа специалистов закончила обучение и отправилась по своим местам, вторую группу еще не набрали, и во всем учебном центре не было никого, кроме руководства, инструкторов и немногочисленной obsługi.

Открыв дверь в свой кабинет, он увидел Зеленина, который и не подумал уходить после отбытия высокого начальства. Более того, он явно собирался немедленно начать работу над новой концепцией. Уже и бумаги разложил, и схемы какие-то на столе появились. Стоянов неодобрительно хмыкнул про себя. Сразу видно, его заместитель ни одного дня «на земле» не работал, хотя служил в силовом ведомстве и погоны носил. У практических работников испокон веку существовало непреложное правило: получив указание, не торопись исполнять, возможно, его еще отменят. А вот у тех, кто за письменными столами сидит да в аппаратные игры играет, у них-то другие правила. Делай быстрее, потому что кто первым доложил, тот и прав. Кто более оперативно подготовит бумагу, с тем начальство и согласится. Трудно Стоянову с Зелениным работать, разные они, совсем разные. Александр Петрович Зеленин – книжный червь, теоретик, бумажная душа. А Стоянов всю жизнь землю ногами топтал, преступников своими руками задерживал да за горло брал. Так, бывало, крепко брал, что раскалывались они аж до самой задницы, как гнилые орехи. А этот... Что он понимает в оперативной работе? Что он понимает в вербовке? Разве он знает, как заставить человека подчиниться и не дергаться?

– Ну что, выслуживаться собрался? – Стоянов не сумел скрыть злой насмешки. – Едва получил указание, уже кинулся исполнять?

Зеленин поднял на него хмурый взгляд. Это всегда было загадкой для Стоянова: как человек с таким круглым румяным лицом, словно самой природой предназначенным для широкой приветливой улыбки, ухитряется постоянно выглядеть хмурым, озабоченным и словно обращенным внутрь себя. Причем такое выражение лица сохранялось у Зеленина даже тогда, когда он пребывал в прекрасном настроении.

– Надо начинать работу прямо сейчас, – ответил Зеленин спокойно, будто не замечая злой иронии своего начальника. – Два дня – не так много, как тебе кажется. Можешь мне поверить, я за свою жизнь делал десятки разных концепций, это очень трудоемкая работа.

– Не морочь голову, – буркнул Стоянов, усаживаясь за стол напротив заместителя. – За полчаса все сделаем.

– Да?

Зеленин быстро сложил свои бумажки, убрал в папку и встал.

– Тогда делай. Через два дня положим Василию на стол две концепции, одну – твою, другую – мою.

– Сядь, – резко приказал Стоянов. – Концепция должна быть одна. Он сам сказал. Нечего строить из себя обиженного. Чего ему в голову вступило концепцию какую-то требовать? Первый набор прекрасно провели и без концепции. Просто приняли решение и выполнили его. Ты, что ли, воду мутишь своими псевдонаучными выкрутасами?

Зеленин молча сел и уставился на него своими непонятными глазами.

– Ладно, давай начинай, раз ты уж такой крупный специалист по концепциям, – смиростивился начальник. – И в первую очередь найди мне решение, как избежать ошибок при наборе наших кандидатов. А потом уж поговорим о том, как строить обучение.

– Надо начинать не с этого, – возразил Зеленин, снова открывая папку и вытаскивая свои схемы и записи.

– А с чего же?

– С определения цели. Мы должны четко понимать, чего хотим добиться, какого специалиста получить в итоге. Потом продумать, как его подготовить, чему и как учить. Потом прикинуть, каким должен быть человек, чтобы он смог успешно пройти курс, научиться всему тому, чему мы хотим его научить, а после окончания учебы хорошо работать. И только потом думать о том, где и как такого человека найти. Иными словами, мы должны разработать три модели. Первая – модель выпускника-специалиста. В нее входит перечень необходимых знаний и умений, а также наличие хорошей подкладки под легендирование. Вторая – модель обучающегося, или, если хочешь, курсанта. Здесь у нас должен быть перечень требований к его психологическим, физическим и интеллектуальным характеристикам, которые позволят ему успешно пройти курс. И третья модель – модель кандидата. После того, как мы с тобой разрабатываем эти три модели, мы начнем думать о том, как первую модель превращать во вторую, а вторую – в третью. Иными словами, выработаем принципы поиска, вербовки и обучения. Вот так, Гриша, создаются концепции. Только так, и никак иначе. А то, что ты можешь сочинить за полчаса, годится для сортира.

Стоянов с трудом подавил в себе закипающую злость. Он понимал, что его заместитель прав. Но признаваться в этом вслух смертельно не хотелось. И дело было даже не в том, что не хотелось соглашаться лично с Зелениным. Вопрос стоял куда шире. Двадцать четыре года он отдал практической работе в уголовном розыске. Почти четверть века. И все эти годы не подлежало сомнению, что наука – это туфта, детские игрушки для тех, кто хочет носить погоны и получать за это деньги, но не хочет заниматься грязной, изматывающей и опасной для жизни работой. Для таких вот «сынков», «зятьев» и «любовниц» и придумали науку в системе МВД, создали специально теплые местечки. Денежные и необременительные. Какая в ловле преступников может быть наука? Ну только что у криминалистов. Химия там всякая, биология и прочие вещи, полезные для проведения экспертизы. А все остальное – чистое надувательство, пустое сотрясение воздуха в промежутках между получением зарплаты.

И что же теперь, признавать превосходство и правоту человека, который всю жизнь корпел за столом, сочиняя научные безделицы? Нет, ни за что.

Ни за что? А как же Мамонтов и Парыгин? Это очевидные провалы, и в карман их не спрячешь. Придется соглашаться и сочинять вместе с Зелениным эту дурацкую концепцию. Может, оно и к лучшему. Зеленин, пороку не нюхавший, наверняка какую-нибудь чушь придумает. Все-таки первый-то набор провели успешно, а ведь делали так, как предлагал Стоянов. Пусть теперь попробуют второй набор провести по-зеленински. Сразу увидят, кто был прав.

Глава 4

У Парыгина была вторая квартира, о которой никто из его знакомых не знал. Туда-то и привез он ошалевшую от страха и обессиленную от слез вдову своего двоюродного брата Лолиту и ее семилетнего сына Сережу.

– Чья это квартира? – спросила Лолита, с удивлением оглядывая скудно обставленное жилище, в котором не было ничего, ни одной вещи сверх минимально необходимого.

– Одного приятеля, – уклончиво ответил Парыгин. – Ты можешь быть спокойна, здесь тебя никто не потревожит. Ключи есть только у меня. Сиди дома и никуда не выходи.

– А продукты? Мне же ребенка надо кормить.

– Я все принесу. И ночевать буду здесь, чтобы вы не боялись.

Он сходил в магазин, загрузил холодильник едой, потрепал племянника по темно-русым волосам и отправился по делам. Занимаясь Лолитой, он все время думал о своих утренних посетителях и теперь пришел к выводу, что они были, вероятнее всего, из милиции.

Для такого вывода у Парыгина были основания. И достаточно веские. Он действительно полгода назад, в июне, совершил убийство. И никогда милиция его не зацепила бы, если бы не нелепая случайность. Убегая с места преступления, он поскользнулся на какой-то разлитой на тротуаре гадости и упал. Упал неудачно, повредил ногу и разбил скулу. Тут же поднялся и побежал дальше. За ним никто не гнался, никто не кричал: «Держи убийцу!» Ничего такого не было. Парыгин вообще был уверен, что его никто не видел, потому что дело было поздним вечером, народу на улице почти не было, а стрелял он в свою жертву в подъезде. Да и темно. Так что лица его совершенно точно никто видеть не мог. А вот поврежденная нога и разбитое лицо – песня совсем другая. И нашелся же на его голову беспокойный папаша, торчавший у окна и поджидавший свою припозднившуюся дочь. Он-то и сказал работникам милиции, что видел, как подъехала машина, его сосед Шепелев вошел в подъезд, а буквально через несколько секунд из подъезда выбежал какой-то мужчина, который поскользнулся и упал, потом поднялся, схватился за щеку и снова побежал, но уже прихрамывая. Милиция проявила завидную сноровку, и в течение ближайших суток по всей Москве отлавливали хромящих мужиков с разбитыми рожами. Парыгин тоже им на глаза попался, когда на следующее утро на работу шел. Вот, собственно, и вся история. На всякую старуху рано или поздно случается проруха, или, как недавно было написано в одной популярной газете, «на ихнее НАТО у нас всегда найдется Кипр с винтом». Нашелся такой «Кипр с винтом» и на профессионального убийцу-заказника Женю Парыгина, который до этого бесперебойно выполнял заказы на протяжении без малого трех десятков лет.

Начинал он в шестьдесят восьмом году, как из армии пришел. Хорошую школу прошел, учителя у него были опытные. Заказов в те годы было не так уж много, не сравнить с нынешними временами, потому и исполнителей высокой квалификации требовалось на всю страну не больше десятка. Нераскрытых убийств тогда не любили, заказы приходилось маскировать под аварии, отравления, утопления и прочие несчастные случаи. На долю Парыгина выпадало три-четыре заказа в год, а в остальное время Женя сначала учился в институте инженеров транспорта, потом работал на автозаводе. Он и сейчас там работает. При таком специфическом «хобби» гораздо лучше, когда по месту работы тебя знают много лет, уважают и при необходимости честно поклянутся, что ты – идеал порядочности и дисциплинированности. Никаких «прорех» в биографии, как пришел со студенческой скамьи, так и отдал всю жизнь на благо отечественного машиностроения. Хорошая репутация вкупе с железным здоровьем всегда очень выручала Парыгина. Если поступал заказ, подготовка и выполнение которого требовали отлучки в рабочее время или даже на два-три дня, ему никогда не приходилось связываться с поликлиниками и больничными листами или врать про похороны любимой пяти-

юродной тетушки. Достаточно было просто пожаловаться на недомогание, и начальство само тут же предлагало ему пойти домой и пару дней отлежаться, чтобы потом не было осложнений. Никому не приходило в голову заподозрить Парыгина в недобросовестности и отлынивании от работы, потому что больничными листами он никогда не злоупотреблял. Один раз в год сваливался с гриппом, больше ничем подолгу и всерьез не болел. И по семейным обстоятельствам никогда не отпрашивался.

Когда его, хромящего и с залепленной пластырем ссадиной на скуле, доставили в милицию и стали расспрашивать, где он был вчера вечером, чем занимался и кто может это подтвердить, Парыгин сразу понял, что таких, как он, у милиционеров десятки, если не сотни. И заниматься каждым подробно и детально у них просто нет возможности. Отбор кандидатов в подозреваемые пойдет по старой привычной схеме. В первую очередь – нигде не работающие, не имеющие постоянного источника доходов, не прописанные в Москве, имеющие судимости или просто попадавшие за что-нибудь. Евгений ни под одну из этих категорий не подпадал. Приличный человек, инженер на автозаводе, ветеран, можно сказать, больше двадцати лет на одном месте проработал, коренной москвич, в пьянстве не замечен. А уж об алиби он позаботился, без этого он заказ выполнять не начинал никогда.

Его довольно скоро отпустили. Потом, правда, еще пару раз вызывали, но ничего принципиально нового в вопросах сыщиков не появилось. И Парыгин подумал тогда, что «торпеда мимо прошла».

Что же теперь случилось? Ответ прост. По крайней мере ему самому так казалось. Убийство осталось нераскрытым, сыщики продолжали по нему работать, и где-то вылезла опасная для Парыгина информация. Мало ли как бывает... Дохнул кто, раскололся, проболтался. Всяко случается. И сыщики, дабы не тратить время и силы на тщательную отработку и проверку, решили применить силовой приемчик. Под видом обыкновенных налетчиков. Так-то оно проще выйдет, да и быстрее. Может быть, у них и информация слабовата, наверняка ничего не знают, но почему бы не попробовать? Там, в милиции, Парыгин вел себя тихо, спокойно, интеллигентно, никаких блатных выходов не допускал и уж тем более физическую силу не демонстрировал. Конечно, впечатление о самом себе он создал такое, что ежели виноват – расколется от легкого нажатия. Вполне возможно, что на Петровке начальство сменилось, требует интенсифицировать работу по нераскрытым убийствам, и сыщики теперь по всем тем пошли, кого когда-то с хромой ногой задержали. Он, Парыгин, в этом ряду не единственный. Просто очередной. Один из многих.

Если так, то все отлично. Больше они к нему не сунутся. И информации у них никакой нет. От него ушли – к другому пойдут.

А если не так... Если не так, тогда дело худо. Два варианта: либо кто-то действительно раскололся или ссучился и дал информацию про Парыгина, либо это вообще не менты, а кто-то из тех, других. Из стана заказчиков и их присных. Им зачем-то нужен Парыгин вместе с признанием. Зачем – вопрос второй, но уже и так понятно, что ответ на него приятностью не отличается. Не случайно, наверное, последний заказ у него сорвался. Вроде договорились уже обо всем, а потом вдруг «извините, не понадобилось». Конкуренция, ядрена матрена. Предложение превышает спрос. Зачем платить много квалифицированному профессионалу, когда можно все то же самое получить, прибегнув к услугам дурака дилетанта, который берет куда дешевле. Но ведь Парыгин – исполнитель не простой, не рядовой. За ним и опыт, и репутация. И система связи с ним сложная, защищенная от случайностей, много лет работавшая безотказно. Ни один заказчик не знает его имени и уж тем более адреса. Так что если это ихделки, то они его на связь вызвали бы. А домой прийти могли только менты. У них же адрес записан, тот самый, который у него в паспорте указан и по которому он действительно проживает. Выходит, последний заказ был и не заказом вовсе, а туфтой, дымовой завесой. Им не надо было никого убирать. Надо было вызвать Парыгина на связь и сесть ему «на хвост». Только

таким путем могли они узнать его официальный адрес. Что-то, видно, вокруг него затевается. Или не угодил кому? Или сработал нечисто?

Кто осведомлен – тот вооружен, решил Евгений. И перво-наперво надо понять, кто к нему приходил и к нему ли одному. Для этого нужно выследить того опера с Петровки, который им занимался, и походить за ним следом несколько дней, посмотреть за его контактами. Если рядом с этим опером мелькнет кто-то из приходившей к нему троицы, переключиться на него и выяснить, ходят ли они со своей видеокамерой еще к кому-нибудь. Если ходят, значит, все в порядке, пальцем в небо тычут, всех тогдашних задержанных пробуют на вшивость. Если не ходят, значит, у них только на Парыгина информация. А ежели никто из троицы рядом с опером не появится, тогда придется заказчиками заниматься.

* * *

Миша Доценко выслушивал уже, наверное, пятнадцатую душераздирающую историю о печальной судьбе спортсменов. Для того чтобы добраться до этой осведомленной и готовой к длительным беседам дамочки, ему пришлось потратить два дня. Большинство спортивных функционеров, как известно, мужчины, а мужчинам несвойственно интересоваться чужими судьбами. Да и интереса к симпатичному высокому журналисту они не испытывали. Посему Мишу гоняли из кабинета в кабинет, с этажа на этаж, рекомендуя ему встретиться и поговорить с Иваном Петровичем или Петром Ивановичем, а этот последний, в свою очередь, отправлял журналиста еще к кому-нибудь. Но мытарства окупилась сторицей, когда Мише наконец попала эта замечательная во всех отношениях дама, которая всю жизнь собирала слухи и сплетни и с удовольствием их пересказывала. Беда была, однако, в том, что ни одна из рассказанных ею историй Мише пока не подходила. Но он не терял надежды.

– ...совсем спился. А как выпьет – так начинает жену бить. У него же силища – сами можете представить, а она гимнастка, худенькая, легонькая, ее пальчиком ткни – она за километр улетит. Сколько раз ему говорили: Витя, не трогай ее, ведь до беды недалеко. Куда там! Однажды так напился, что выбросил ее из комнаты через балкон прямо на улицу. Сидит теперь, – она горестно вздохнула. – Хорошо еще, что детей не было. А то представляете, что было бы? Мать погибла, отец в тюрьме. У некоторых так и получалось...

Доценко понял, что сейчас услышит очередную, шестнадцатую историю, но она опять будет про мужчину. А ему нужна женщина. Женщина-баскетболистка с искалеченной психикой. И разговорчивую даму следовало вывести на интересующую его тему мягко, осторожно, чтобы ни в коем случае не обидеть.

– А почему жена все это терпела? – спросил Миша. – Неужели такая слабовольная была?

– Да что вы, Михаил Александрович, разве спортсменка может быть слабовольной? У нее воля железная. Но весь ресурс на спорт уходит. Вы понимаете, что я хочу сказать? Она в спорте с детства привыкла себя насиловать, заставлять делать то, что не хочется, потому что видит цель. Стать первой, стать лучшей. Олимпийской чемпионкой. И на этот алтарь кладет весь запас душевных сил. Поэтому ни на что другое этих душевных сил уже не остается. Тем более что и цели другой нет, которая по силе притягательности могла бы соперничать со стремлением к тому, чтобы быть первой. А все остальное кажется несущественным, неважным, и силы на это тратить жаль.

Что ж, с удовлетворением подумал Доценко, полпути мы уже прошли, говорим о женщинах-спортсменках. Теперь плавно переходим к баскетболу.

– Скажите, а у женщин-баскетболисток тоже проблемы в семейной жизни? Или это случается преимущественно с мужчинами?

– Ой, что вы, – дама всплеснула руками, – у наших девочек вообще одни сплошные проблемы с любовью. Они же высокие! Высокому парню жену найти – нет проблем, ему любая

подойдет, лишь бы он ее любил. А девочкам-то что делать прикажете? У них один выход: искать мужа среди своих же братьев-баскетболистов. А мальчики наши высоких девочек не любят, вот ведь в чем парадокс. Вот я вам только что про Витю рассказывала, который жену-гимнастку из окна выбросил. Так вы ж подумайте: гимнастку! Она ростом метр с кепкой. И так все время. Двухметровые дылды обожают миниатюрных женщин. А двухметровым девочкам каково?

– Неужели они все двухметровые? – недоверчиво прищурился Доценко.

– Да нет, это я так, образно... – Дама засмеялась и вмиг помолодела лет на десять. – Метр девяносто в среднем. Но тоже немало, согласитесь. Бывают и совсем большие, за два метра, но это крайне редко.

– Как же они замуж выходят?

– По-разному. Они, кстати, пользуются немалым успехом у мужчин, которые ниже их ростом. Те, кто сумеет не обращать внимание на разницу в росте, вполне удачно создают семьи. Но это, конечно, не всем удастся. Многие боятся выглядеть смешно рядом с маленьким мужчиной. Стараются найти высокого, а высокие, как я вам уже говорила, любят миниатюрных. В общем, замкнутый круг.

– Скажите, а характер у девушек от этого не портится? – невинно осведомился Миша.

– О, еще как портится! Не у всех, конечно. Но если наша девочка вбила себе в голову, что обязательно должна выйти замуж, иначе она будет как бы неполноценной, тогда пиши пропало. Соперничество, ревность, даже до драк, случается, дело доходит.

До драк. Это уже ближе. И кто же это среди баскетболисток оказался такой агрессивной?

– Неужели до драк? – Доценко изобразил на лице недоверчивость пополам с изумлением.

– Представьте себе. Да за примерами далеко ходить не надо. Вот взять Мариночку Тихвинскую... Только вы потом фамилии не пишите, когда статью будете готовить, ладно?

– Конечно, – пообещал Миша. – Фамилии и не нужны будут для статьи. Я же пока только собираю фактический материал, а на его основе потом буду делать анализ, обобщать и выявлять закономерности. Так что насчет Тихвинской? Это та, которая во время матча с кубинками выиграла решающее очко?

– Да-да, та самая. А вы смотрите матчи?

– Изредка, – признался Миша. – Этот как раз смотрел.

– Ну вот, Мариночка встречалась с мальчиком, не с нашим, он был с телевидения. Оператор, кажется. Во время трансляции матча познакомились. Хороший такой мальчик, симпатичный, высоченный, даже выше ее был. Марина отмечала свой день рождения, позвала девочек из команды, ну и мальчик этот был, естественно. Конечно, девочки на него набросились. Не в прямом смысле, а в переносном. Глазки строили, комплименты говорили. В общем, отбивать начали. Кто в шутку, дурака валял, а кто и всерьез на него глаз положил, сами понимаете, такой ценный кадр. Особенно одна девушка усердствовала, вцепилась в него, танцевать все время приглашала, то в кухне с ним вдвоем уединится, то на лестницу с ним выйдет. Мариночка рассвирепела и схватила ее за волосы. Та в долгу не осталась, короче, подрались они. Девочки, которые это видели, рассказывали потом, что Маринка будто невменяемая была. Побелела, глаза сверкают, ничего не слышит. Как бес в нее вселился. А потом, когда все кончилось, она говорила, что ничего не помнит. Даже удивлялась, что драку затеяла. Совсем не помнит, представляете?

Доценко представлял. Это была классическая картина аффекта. Не все в порядке с психикой у этой Тихвинской.

– С ней такое в первый раз случилось? Или раньше тоже бывало?

– Говорят, в первый. Зато потом еще несколько раз повторялось. Ее же как раз за это и дисквалифицировали.

Вот это уже совсем близко. Ну же, мысленно подгонял собеседницу Доценко, не останавливаясь, продолжай рассказывать про агрессивную спортсменку, склонную к аффектам. Надо подать поощрительную реплику.

– Да что вы говорите? Неужели за драку?

– Именно. Во время матча набросилась на спортсменку из другой команды, которая задела Марину по голени. И начала ее избивать. Жуткая была сцена. Их еле растащили. Врач прибежал, сразу Маринку увел, какой-то укол ей сделал. А она опять ничего не помнила. Когда ее вызвали на комиссию, она так плакала! Простите, говорит, не помню, ничего сделать не могу, собой не владею.

– И что же? Выгнали ее из команды?

– Выгнали, – кивнула дама. – Разве можно такую оставлять? Это же пороховая бочка. В любой момент может взорваться, матч сорвать, покалечить кого-нибудь. Хотя жалко было ужасно, она спортсменкой-то была очень хорошей.

– И что с ней потом стало? Как жизнь устроилась?

– Да знаете, Михаил Александрович, верно говорят, что нет худа без добра. Из спорта ей пришлось уйти, это верно, но нашлась какая-то фирма, не то английская, не то канадская, которая специализируется на производстве одежды нестандартных размеров. Для очень толстых, к примеру. И для очень высоких. Специальные модели для них придумывают. А Мариночка-то красавица, вы и сами видели по телевизору. Вот они ее и взяли на работу. Так что теперь она за границей процветает.

Отбой. Все было так хорошо... Но Марина Тихвинская нам не подходит. Она за границей и вполне довольна жизнью.

– А суицидальные попытки бывают у спортсменов? – спросил Миша, надеясь получить в ответ еще какую-нибудь историю.

– Это редко, – авторитетно заявила дама. – Люди когда хотят с собой покончить? Когда считают, что жизнь не удалась, ничего не получилось, все было напрасно, и они никому не нужны. Даже из-за несчастной любви они обычно в депрессию не впадают, потому что, я вам уже говорила, для них успех в спорте – это самое-самое главное. Все остальное куда менее значимо. Конечно, когда возраст подходит, тогда случается... Но обычно человек сначала уходит из спорта. Начинает устраивать свою жизнь, становится тренером или педагогом, находит себе другое какое-то занятие. Пытается адаптироваться к новой жизни. И только потом, если ничего не получается, может дать депрессию. Но обычно-то это ведет к пьянству, а не к суицидам. Хотя случается, конечно, что и говорить. Анечка Лазарева, например, два раза пыталась отравиться, когда перестала играть.

– Ее тоже выгнали из команды?

– Нет, возраст, знаете ли... Она сама ушла. Но как-то жизнь у нее не складывалась. Аня очень хотела замуж выйти. Знаете, это даже неприлично выглядело. Над ней девочки посмеивались. Она была какая-то... несовременная, что ли. Считала, что если парень с ней переспал, то у него серьезные намерения. И ужасно переживала, когда оказывалось, что это не так, что он через два дня о ней и думать забыл. Она совсем не умела быть гордой, мгновенно влюблялась, таскалась за каждым своим возлюбленным по пятам, проходу не давала, в глаза заглядывала. Начинала подарки делать, домой приглашать, чтобы познакомить с родителями. Конечно, парни от нее как от чумы шарахались. Для них переспать с девушкой во время сборов – дело самое обычное, там постоянно кратковременные романы заводятся, и никто от них голову не теряет. А Анечка к каждому знаку внимания, даже самому незначительному, относилась как к предложению руки и сердца. Парень ее на танцах пригласит один раз, а она уже мечтает, как он будет за ней ухаживать и какой замечательный роман у них будет развиваться вплоть до свадьбы. При этом она ведь не была недотрогой, в постель легко укладывалась, то есть в этом смысле она была вполне современной. Но мечтательница! Наивная, романтическая, трогатель-

ная мечтательница. Но все-таки, пока она играла, спорт был на первом месте. А когда пришлось уйти, вот тогда все любовные неурядицы выросли до гигантских размеров. По-моему, она даже умом тронулась из-за этого.

– Почему вы так решили? Она странно себя вела?

– Да как-то... да, пожалуй, странно. И вообще она стала странной. Я иногда вижу ее, мы живем возле одной станции метро. Первое время она всегда охотно останавливалась поболтать, а теперь старается сделать вид, что не заметила меня. Почему? Разве я сделала ей что-то плохое? Я же не виновата, что ей пришлось оставить спорт. Это со всеми происходит рано или поздно.

– Может быть, это связано с ее попытками покончить с собой? – предположил Михаил. – Знаете, некоторые любят об этом рассказывать, вроде как выставляют свою трагедию напоказ и ждут сочувствия, а многие этого очень стесняются и начинают избегать общения с людьми, которые знают о суицидальной попытке. Это я вам как специалист говорю.

Разговор на некоторое время застрял на проблемах сугубо психиатрических. Осведомленная о личной жизни баскетболистов дама была в психиатрии полным профаном, и Мишиной подготовки, полученной в ходе изучения курса судебной психиатрии в школе милиции, вполне хватило для того, чтобы заморочить ей голову и создать иллюзию беседы со специалистом. Потом Михаилу удалось мягко выскользнуть из неинтересной для него темы и снова вернуться к обсуждению бывшей спортсменки Анны Лазаревой. И чем дальше, тем больше он убеждался, что с этой Лазаревой надо поработать.

* * *

Оперативника, который беседовал с ним летом, Парыгин нашел легко. Даже имя его вспомнил – Михаил Александрович. Хорошо, что государственные служащие должны ходить на работу, и работа эта находится на глазах всего честного народа, в самом центре Москвы. Стой и жди, сколько хватит терпения, нужный человек обязательно рано или поздно появится.

Симпатичный черноглазый паренек по имени Михаил Александрович, конечно же, появился, что сильно порадовало Парыгина. Значит, не уволился, работает еще. Если бы уволился или перешел в другую службу, дело значительно осложнилось бы. Поди узнай, кто теперь убийством Шепелева занимается. Но, слава богу, Михаил Александрович на месте, и можно приступать к осуществлению задуманного.

Первый день наблюдения не дал ничего интересного. Михаил вышел с работы около часу дня и отправился в какое-то хитрое место, где пробыл почти до семи вечера. Правда, на здании, куда он вошел, висела табличка, оповещающая граждан, что здесь находится Федерация баскетбола, но Парыгин был уверен, что это липа. Чего сыщику искать среди баскетболистов? Уж в любом случае не убийцу гражданина Шепелева.

Парыгин проводил оперативника до самого дома, а на другое утро там же и встретил его, заняв свой пост уже с семи утра. На этот раз Михаил снова отправился сначала на Петровку, и потом поехал куда-то к черту на кулички в Орехово-Борисово, на Ясеневую улицу. На Ясеновой он пробыл недолго и снова потащил за собой Евгения мотаться по всему городу. Никто из троих странных гостей Парыгина так и не мелькнул.

Но Парыгин не торопился. Он знал, что иногда ждать приходится очень долго, а удача приходит только к тем, кто умеет быть терпеливым. «Надо завтра заскочить в поликлинику, продлить больничный», – подумал он, возвращаясь поздно вечером в свою вторую квартиру, к Лолите и племяннику.

* * *

Разговорчивая дамочка из Федерации баскетбола невольно подсказала Мише Доценко, что самый надежный способ завязать знакомство с Анной Лазаревой – ухаживание. Бывшую баскетболистку он нашел в районе станции метро «Профсоюзная», где она торговала с лотка газетами и журналами. Издалека она показалась Михаилу совсем невысокой, но, подойдя ближе, он увидел, что Анна не стоит, а сидит на раскладном стуле. Она была далеко не красавицей, черты лица неправильные, нос покраснел от мороза, а отрешенное выражение лица никак не способствовало желанию завести с ней знакомство.

– Добрый день, – весело поздоровался Доценко. – Девушка, скажите-ка мне, что я буду читать в дороге?

Анна подняла на него непонимающий и какой-то сонный взгляд.

– Что?

– Я говорю, мне ехать далеко. Что бы такое купить у вас почитать в дороге?

– Выбирайте, – равнодушно ответила она, – все перед вами.

– А что интереснее? Ну посоветуйте мне что-нибудь, вы же лучше меня знаете все эти издания. А то куплю за двадцать тысяч вот этот полиграфический шедевр, – Миша наугад ткнул в яркую обложку запакованного в полиэтилен «Плейбоя», – а там и читать нечего, одна сплошная реклама.

Губы девушки чуть дрогнули в едва заметной улыбке.

– Там как раз не реклама, а голые красотки, вам, мужчинам, это нравится. Возьмите.

– Да вы что! – Он изобразил возмущенное негодование. – Неужели я похож на человека, которому это может понравиться? Нет, мне нужно что-нибудь осмысленное, над чем можно подумать. Вот есть такой замечательный журнал, «Наука и жизнь» называется. У вас нету?

– Не бывает. Возьмите «Совершенно секретно», там интересные статьи. И подумать есть над чем.

– Давайте.

Он полез за бумажником, одновременно окидывая взглядом прилавков.

– А что это у вас за книжечки там, с краю?

– Вот эти? Это любовные романы. Вам это неинтересно.

– Почему вы так решили?

– А мужчины их никогда не берут. Это женское чтение.

– Глупости, – решительно произнес Михаил. – Нет на свете ничего важнее и интереснее любви во всех ее проявлениях. Я с удовольствием читаю любовные романы, если, конечно, они хорошо написаны. Вы сами-то их читали?

– Эти? Конечно. Я же тут целыми днями сижу. Все читаю, что привозят на продажу.

– Выберите мне, пожалуйста, на свой вкус, – попросил он.

– А вдруг вам не понравится?

– Не может быть. Я уверен, что вкус у вас хороший.

Анна протянула руку к краю лотка и вытащила две книжки карманного формата в ярких обложках.

– Посмотрите вот эти. Они самые приличные. А вы точно для себя покупаете, а не для жены?

– Девушка, милая, я до сих пор не женат. Наверное, оттого, что читаю слишком много любовных романов, – обаятельно улыбнулся Миша, стараясь говорить неторопливо, чтобы ни одно произнесенное им слово не ускользнуло от внимания продавщицы прессы. – Отравился представлениями о счастливой любви и ищу для себя такую же. А ее все нет и нет.

– Надо же, – лицо Ани приняло осмысленное выражение, – такой красивый молодой человек – и не женат. Так не бывает.

– Господи, девушка... Простите, вас как зовут?

– Аня.

– А меня – Миша. Так вот, Анечка, кто вам сказал, что красота – залог успеха в любви? Смотрите на меня, я – живой пример того, что это неправда. В любви счастливы не те, кто хорошо выглядит, а те, кто умеет любить. Вы согласны? Готов поспорить, что вы знаете это не хуже меня. Вас глаза выдают.

– Как это?

– А вот так. По глазам видно, что вы много страдали от неразделенной любви. И от этого стали спокойной и мудрой. Угадал?

– Девушка, – встряла стоящая рядом женщина, которая подошла уже давно и терпеливо ждала, пока продавщица обратит на нее внимание. Видно, терпение у нее кончилось, – дайте «Домовой» и «Газету для женщин». Сколько можно болтать, честное слово!

– Извините. Вот, пожалуйста.

Анна торопливо достала журнал и газету, отсчитала сдачу. Доценко понял, что она боится, как бы он не ушел, пока она занимается покупательницей. Знала бы она, что он и не собирается никуда уходить, пока не назначит ей свидание!

– Вы не замерзаете, сидя целый день на холоде? – участливо спросил он. – Походили бы, попрыгали.

– Ничего, нормально, – улыбка девушки перестала быть боязливой. – Холодно, конечно, но терпеть можно.

Михаил понял, что в обыденной жизни ей приходится стесняться собственного роста, поэтому она и не встает, особенно сейчас, когда разговаривает с ним.

– Хотите, я вам горячего кофе принесу? Тут рядом в палатке продают. И сам выпью, не могу пить кофе без хорошей компании.

– Спасибо вам. – Она полезла в карман за деньгами.

– Что вы, – остановил ее Михаил, – не нужно. Я быстро.

Через три минуты он снова стоял возле прилавка с газетами, протягивая Анне картонный стаканчик с не особенно горячим кофе и завернутый в салфетку бутерброд с салями.

– Вы кого-то ждете? – спросила она, и столько в ее голосе было безнадежности, что у Доценко сердце защемило.

– Нет, – ответил он как можно удивленнее. – Почему вы решили, что я жду кого-то?

– Так. – Она пожала плечами и сделала большой глоток кофе. – Просто подумала, что человек, который идет по делам, не станет тратить столько времени понапрасну и поить незнакомую девушку кофе за свой счет.

– Ну, во-первых, девушка уже знакомая, раз я знаю ее имя, а она – мое.

– А во-вторых?

– А во-вторых, очень редко бывает, чтобы случайно начатая беседа с посторонним человеком вдруг стала интересной. И если уж такое происходит, то нельзя этим пренебрегать. Ради этого можно и дела отложить. Так что можете мне поверить, я никого здесь не жду.

– Вам что, правда интересно со мной разговаривать?

– Правда. Истинный крест, не сойти мне с этого места, – шутливо поклялся Миша, озорно подмигивая. – Кое в чем вы, конечно, правы, я действительно бежал по делам. Мне нужно ехать на другой конец Москвы, до станции «Алтуфьево», поэтому я и хотел купить что-нибудь почитать в метро. И теперь у нас с вами только два пути.

– Какие?

– Первый: я пропускаю важную деловую встречу и продолжаю с вами беседовать. После этого шеф сдирает с меня кожу без наркоза, причиняя мне ужасные страдания. И второй: я еду

на эту встречу, потому что она действительно важная, но разговор мы все-таки продолжим. И вы, Анечка, должны мне сказать, когда и где.

Он знал, что действует грубо, примитивно, слишком напористо, но время поджимало. И без того два дня были убиты на то, чтобы узнать имя бывшей баскетболистки со странностями в психике.

Анна задумчиво посмотрела на него, потом резко поднялась со своего стульчика. Она была, конечно, высоковата даже для Доценко, имеющего рост метр восемьдесят девять, но не настолько, чтобы это выглядело смешным. Более того, для подавляющего большинства людей, имеющих в среднем рост меньше ста восьмидесяти сантиметров, они выглядели практически одинаково.

– Вы все еще хотите продолжить разговор? – спросила она неожиданно зло. Агрессивность вспыхнула в ней внезапно, ничто, казалось, этого не предвещало. Вот только что она сидела, чуть ссутулившись, на своем неудобном низком стульчике, жевала бутерброд, пила кофе и робко улыбалась Мише, боясь, что он сейчас повернется и уйдет, и вдруг голос стал напряженным, губы – узкими, глаза засверкали, а красные от мороза щеки даже побледнели.

– Вы имеете в виду свой рост? Так ведь и я не маленький. У нас с вами разница – сантиметров пять, не больше. Покажите-ка ваши сапожки. Ну вот, я так и знал, танкетка. Значит, на самом деле разница еще меньше. И вообще, Анечка, я не понимаю, при чем тут ваш рост. Меня, честно говоря, больше душа интересует. Почему вы сердитесь? Я вас чем-то обидел?

Она не ответила, молча уселась обратно на стул и стала считать газеты, лежащие в большой коробке. По тому, как тряслись ее пальцы, Доценко понял, что Аня сильно разволновалась и старается отвлечься, чтобы взять себя в руки.

– В котором часу вы заканчиваете торговлю?

– Около семи. Иногда в восемь. Как машина придет, – ответила она невыразительным тоном, не поднимая головы.

– Если я вернусь к семи, я вас здесь застану?

– Не знаю. Может быть.

– Тогда я вернусь к шести, – весело пообещал Доценко. – Только дайте мне слово, что к моему приезду вы перестанете сердиться. Сколько с меня за газету и две книжки?

– Шестнадцать пятьсот, – тихо сказала Анна.

Доценко расплатился, сунул в «дипломат» купленное чтиво и нырнул в метро.

* * *

На «Профсоюзную» он вернулся к половине седьмого. Некоторое время постоял в сторонке, наблюдая за Лазаревой. Девушка то и дело поглядывала на часы, и с каждым разом лицо ее все больше мрачнело. В какой-то момент Мише показалось, что она сейчас заплачет, и он понял, что тянуть дальше уже неприлично. Купив в ближайшем киоске пышную белую розу на длинном стебле, он подошел к Анне.

– Добрый вечер, Анечка! Вы про меня не забыли?

Ее лицо вспыхнуло такой радостью, что Мише стало неловко. Похоже, все, что рассказывала ему сотрудница Федерации баскетбола, соответствовало действительности. Аня Лазарева и в самом деле в каждом мужчине, удостоившем ее внимания, готова была видеть романтического поклонника и даже жениха. А уж если этот мужчина высок и хорош собой...

– Это вам. – Он протянул ей розу. – Боюсь только, что цветок замерзнет, пока мы с вами будем разговаривать о превратностях любви. Продайте-ка мне пару газет, я его упакую. Заверну в несколько слоев, все-таки бедной розочке потеплее будет. Когда придут ваши освободители?

– Мои – кто? – не поняла Аня.

- Те, кто должен вас освободить от этой разноцветной прессы и отпустить домой.
 - Не знаю. Скоро, наверное. А вы торопитесь?
 - Нет. Я никуда не тороплюсь, я сделал все свои дела и приехал к вам, чтобы проводить вас после работы, куда вы скажете. Надеюсь, вы живете не в соседнем доме?
 - В Орехове-Борисове. Это далеко. От метро двадцать минут пешком.
 - Это не далеко, Анечка, это прекрасно. Вас дома ждут?
 - Только родители.
 - Тогда я приглашаю вас поужинать. В тепле разговаривать приятнее. Вы согласны?
 - Я не одета для ужина.
 - А я приглашаю вас к себе домой. Так что форма одежды значения не имеет.
 - Я не знаю... Это так неожиданно.
- За спиной у Анны остановился пикапчик, из него вышли два дюжих парня.
- Анютка-незабудка, складывайся! – закричал один из них.

Доценко отошел в сторону, чтобы не мешаться под ногами. Он наблюдал за Анной Лазаревой, пытаясь увидеть признаки психической неуравновешенности. Излишняя резкость или, напротив, непонятная заторможенность движений, неадекватная реакция на реплики окружающих, внезапная злость, немотивированный истерический хохот и многое другое могли бы послужить Михаилу сигналом: с этой девушкой не все в порядке. Пока ничего такого ему в глаза не бросилось. Но ведь был приступ внезапной злобности во время их первого разговора. И были трясущиеся руки и безуспешные попытки справиться с нервозностью и волнением. Все это было. И отрицать этого нельзя.

* * *

До дома, где жил Михаил, добираться с «Профсоюзной» было неудобно, пришлось делать две пересадки в метро. Анна всю дорогу была молчаливой, при любой возможности старалась сесть, вероятно, чтобы не бросаться в глаза своим ростом, шла ссутулившись и не вынимая рук из карманов. И только переступив порог квартиры своего нового знакомого, расслабилась и расправила плечи.

- Я так замерзла за целый день, что даже раздеваться боюсь, – призналась она. – Мне каждый вечер кажется, что я уже никогда не согреюсь.
- У меня тепло, – заметил Доценко, мысленно похвалив себя за то, что утром, уходя из дому, не открыл форточку для проветривания. Теперь в квартире было не просто тепло – душно, он этого не переносил, но зато для Ани, наверное, будет в самый раз.
- Вы совсем один живете? – спросила она.
- Я живу с мамой, но сейчас она в больнице.
- Что-то серьезное? – в голосе Ани прозвучало искреннее сочувствие.
- Нет, просто появилась возможность положить ее в хорошую клинику и провести общеукрепляющий курс, витаминчики поколоть, процедуры поделать. Раздевайтесь, Анечка, и пойдете на кухню. Кулинар из меня никакой, так что готовить ужин будем вместе, а если он получится невкусным, то будем вместе мужественно его есть.

Анна медленно, будто нехотя, расстегнула длинную, почти до колен, куртку-пуховик, сняла вязаную шапочку и сапоги на танкетке. Теперь она выглядела совсем не так, как еще час назад, когда сидела, несчастная и замерзшая, с красным носом, над своими газетами и журналами. Под курткой на ней был надет красивый бирюзовый свитер, а джинсы, обтягивающие невероятной длины мускулистые ноги, были модными и явно новыми. Более того, когда исчезла вязаная шапочка, закрывавшая голову и уши, оказалось, что у Анны Лазаревой густые блестящие темно-русые волосы, а на работу, даже такую неинтересную, она ходит в сергах. Не бриллианты, конечно, но все равно красивые длинные серебряные подвески с вставками из

бирюзы, под цвет свитера. Да, красавицей бывшая баскетболистка, безусловно, не была, но то, что она очень за собой следила, сомнению не подлежало. Интересно бы рассмотреть ее руки, прикидывал Доценко, провожая гостью в кухню и вытаскивая из холодильника продукты, из которых предполагалось приготовление ужина.

– Даже и не знаю, как бы нам с вами, Анечка, распределить обязанности, – сказал он, с сомнением оглядывая расставленные на столе тарелки и пакеты. – У вас маникюр? Покажите-ка руки.

Аня послушно протянула руки. Доценко осторожно взял ее пальцы и стал внимательно рассматривать. Каменская говорила, что у первой жертвы душителя на шее были следы ногтей, а у остальных таких следов уже не было, то есть после первого убийства маньяк остригал ногти. Что-то не получалось... Ногти у Лазаревой были длинными и ухоженными. Хотя это, конечно, еще ни о чем не говорит. Накладные ногти продаются во всех магазинах. Так что надо перво-наперво выяснить, свои у нее ноготки или искусственные. А если свои, то быстро ли отрастают.

– Красивые у вас руки, – восхищенно произнес он. – Трудно, наверное, с такими ногтями домашней работой заниматься, да?

– Совсем нетрудно, – улыбнулась Аня. – Я дома все делаю, кроме готовки. Готовить не умею. А так и стираю, и мою.

– И сколько же времени нужно такие коготки отращивать? – невинно поинтересовался Миша.

– Месяца три примерно. Миша, вы ужин обещали, а сами моими руками занимаетесь.

– Ох, простите! – Михаил сделал вид, что спохватился. – Когда вижу что-то необычное, про все забываю. Так, Анечка, вам на выбор предлагаются следующие виды работ: чистить картошку, отбивать мясо, резать овощи для салата. Что вы предпочитаете?

– Да мне что-нибудь попроще. – Она виновато улыбнулась. – Я же честно призналась, что готовить почти совсем не умею. Давайте я буду картошку чистить, здесь хоть испортить ничего нельзя.

– Годится. Вот вам фартук, вот нож, вот кастрюля, а картошка в этой сумке.

Анна встала возле раковины и принялась за дело, а Миша тем временем занимался мясом, пытаясь вспомнить, что и в какой последовательности в таких случаях делала мама.

– Аня, а как же так получилось, что вы готовить не умеете? – спросил он, нарезая мясо толстыми ломтями для отбивных. – Вас мама от всей домашней работы освободила?

– Нет, что вы, я же сказала, что дома все делаю. Просто у меня от природы нет к этому способностей. Я стараюсь, а все равно ничего не получается. То недосолю, то переперчу, то недожарю. Должно быть какое-то чутье, а у меня его нет. Так мама говорит.

– Нет, Аня, дело не в отсутствии природного чутья, а в любви. Это я вам точно говорю. Пока вы живете с мамой, ваше чутье дремлет, потому что мама все равно приготовит поесть. А когда вы будете стоять перед необходимостью накормить любимого мужчину, и накормить вкусно, чтобы он в вас не разочаровался, а, кроме вас самой, приготовить еду будет некому, вот тогда все у вас получится. Внутренние ресурсы сразу мобилизуются, и все, что до той поры в вас дремало, проснется и активизируется.

– Вы думаете?

Она оставила в покое картошку и повернулась к Мише.

– Уверен.

– И мужчина обязательно должен быть любимым, иначе ничего не получится?

– Достаточно, если он будет вам нравиться. Важно, чтобы вы не захотели его разочаровать.

– Значит, если я попробую приготовить ужин для вас, у меня обязательно получится?

Да, дама из федерации несколько не передергивала, рассказывая об Анне Лазаревой. Девушка уже готова приступить к выяснению отношений и к раздаче авансов на будущее. Сей-

час она вцепится Мише в горло и начнет добиваться каких-то намеков на душевное расположение и готовность развивать отношения. Ладно, ничего не поделаешь, придется поддерживать игру, сам же первый начал.

– А что, я вам нравлюсь? – спросил он.

– Нравитесь. Иначе я не пошла бы к вам в гости.

– Тогда вперед, Анечка. Я самоустраняюсь от кулинарного процесса, чтобы не нарушать чистоту эксперимента. Попробуем?

– Неужели рискнете? – лукаво улыбнулась Аня. – А вдруг я вас обманула и вы мне совсем не нравитесь? Тогда ваши продукты будут переведены напрасно, есть то, что я приготовлю, вы все равно не сможете.

– Рискну, пожалуй. Поскольку я сам готовить тоже не умею, то хуже не будет. А вдруг моя теория верна? Тогда у меня есть шанс устроить пир посреди рабочей недели.

– Ну что ж... Люблю отчаянных мужчин.

Она снова занялась картошкой. Миша уселся за кухонный стол и стал внимательно наблюдать за ней, попутно выдавая какой-то отработанный до автоматизма треп про любовные романы. Мужчина, хорошо знающий и с удовольствием читающий такого рода литературу, – огромная редкость, и Доценко после длительных размышлений выбрал себе именно такое хобби, хотя от любовных романов его тошнило. Но женщины ловились, что называется, влет. Причем ловились даже те, которые сами этих романов не любили и не читали. Ловились просто в силу необычности ситуации. Можно в принципе не любить собак, но не обратить внимания на собаку с двумя головами невозможно. Вот уже два года Миша Доценко покупал и тщательно, с карандашом в руках, изучал любовные истории, написанные зарубежными писательницами, искал и отмечал сходства и различия, старался запомнить названия и имена персонажей. «Хобби» оказалось очень полезным, и чем больше становилось число женщин, которых ему удалось расположить к себе и выяснить с их помощью ценную для раскрытия преступлений информацию, тем менее острым делалось отвращение к этим книжкам. Это было почти так же, как когда-то в детстве с творогом. Маленький Миша, занимаясь в спортивной секции, несколько раз ломал то руку, то ногу, причем в ситуациях, в которых его друзья отдеывались обыкновенными ушибами. Врач тогда сказал Мишиной маме, что у мальчика наблюдается недостаток кальция, и это ведет к повышенной хрупкости костей. Надо пить специальные препараты и есть побольше продуктов, содержащих кальций, главным образом – сыр и творог. Творог Миша терпеть не мог, давился, но мама заставляла... Через год оказалось, что кости стали прочнее и уже не ломаются при каждом падении. Через два года Миша смог возобновить занятия спортом, а ненавистный творог продолжал есть и по сей день. В конце концов, не такой уж он противный, если приносит очевидную и осязаемую пользу.

Забывая эфир рассуждениями о героях и героинях зарубежных любовных романов, Миша Доценко отмечал про себя ловкость и точность движений своей гостью. Врет она все насчет того, что не умеет готовить, вдруг подумал он. Все она прекрасно умеет. Это же ловушка, обыкновенная ловушка для мужиков. Ай да Анечка! Да, ты действительно вешаешься на шею каждому, кто окажет тебе внимание, и в твоём арсенале за много лет скопился богатый выбор приемов. Но ты далеко не так проста, как показалось с первого взгляда.

– ...кстати, этот роман был экранизирован, на мой взгляд, очень неудачно. Вы видели фильм «Сияющая пропасть любви»? Его показывали где-то в середине декабря.

– Нет, – ответила она, не оборачиваясь.

– Неужели не видели? Может, просто запомнили? Там Ричардсон играет роль Майкла.

– Нет, не видела. Хороший фильм?

– Не очень. Книга намного лучше...

Так, первую проверку ты, Анечка Лазарева, не прошла. Доценко готовился к знакомству с девушкой очень серьезно, заранее продумывая, как и на чем будет пытаться ее подловить. В

частности, тщательно изучил телевизионные программы тех вечеров, когда были совершены семь убийств, запомнил, какие передачи и фильмы тогда шли. Американский фильм «Сияющая пропасть любви» показывали как раз в тот вечер и в то время, когда было совершено четвертое убийство. Если бы Анна видела его, это можно было бы рассматривать как алиби. Конечно, предстояло бы еще проверить, действительно ли она видела фильм именно в декабре и именно по телевизору, а не на видео, но это могло бы, по крайней мере, стать отправной точкой.

– Миша, где у вас перец?

– В шкафчике, справа от вас. Все остальные специи тоже там. Аня, вы спортом занимались?

– Баскетболом, – коротко ответила она.

– И успешно?

– Вполне.

– Давно бросили спорт?

– Два года. На какой сковородке вы мясо жарите?

Доценко понял, что от разговоров о спортивной карьере Анна уклоняется. Что ж, вполне естественно, если ей это неприятно. Ну-ка проверим, действительно ли так уж неприятно.

– А почему вы ушли из спорта?

– Старая стала. В какую миску салат резать?

Доценко поднялся и достал из кухонного шкафа красивую пластиковую салатницу.

– Пожалуйста. Сколько же вам лет? Или об этом неприлично спрашивать?

– Двадцать девять. Миша, давайте не будем об этом, ладно? Вы остановились на экранизациях.

– Да, хорошо, что вы напомнили. Я как раз хотел спросить вас кое о чем как эксперта, потому что мне все-таки трудно влезть в женскую шкуру. Вы читали «Твой нежный образ»?

– Читала.

– Тогда скажите мне, может ли такое быть, чтобы женщина из-за одной-единственной любовной неудачи начала ненавидеть весь мир. Когда я читал роман, мне это показалось несколько... ну, натянутым, что ли. Я уверен, что на свете нет ни одной женщины, которая хотя бы раз не потерпела неудачу в любви. Все через это проходят, но если бы из-за этого начинались такие страшные психологические ломки, в мире царила бы одна сплошная ненависть. А ведь это не так. Большинство женщин совершенно нормальны и спокойны. Во всяком случае, нам, мужчинам, так кажется. Но возможно, что мы и ошибаемся. Что вы скажете по этому поводу, Анечка?

Возникла пауза. Анна перевернула на сковородке мясо, тщательно вымыла под краном помидоры, огурцы и зелень петрушки и укропа, приготовила разделочную доску, потом как-то преувеличенно долго выбирала подходящий нож. Молчание затягивалось, и это Мише Доценко совсем не понравилось. Наконец она заговорила:

– Я ничего по этому поводу не скажу. Некоторые и десять любовных неудач переносят легко. А некоторые из-за одной-единственной голову теряют. Это очень индивидуально. У кого какая психика.

Она вскрикнула, отбросила нож в раковину и поднесла палец ко рту.

– Черт, порезалась!

Доценко вскочил и принялся искать бинт и йод. Анна стояла белая как полотно, капля крови упала на светлый линолеум. Миша ловко забинтовал порезанный палец и усадил ее за стол.

– Посидите спокойно, я сам салат сделаю. Очень больно?

– Нет, просто испугалась, – она попыталась улыбнуться. – Не переношу вида крови.

Руки у нее тряслись, лицо по-прежнему было бледным, бескровным. Михаил резал овощи и размышлял над ее странным поведением. Он своими глазами видел, как ловко Аня управлялась с ножом. Даже на руки почти не смотрела, движения были точными, словно механическими. Как же она ухитрилась порезаться? Неужели затронутая им тема была для нее настолько болезненной, что она потеряла самообладание? Или специально полоснула ножом по пальцу, чтобы отвлечь его и уйти от обсуждения вопроса? Если так, то поступок явно не из ряда нормальных. Когда-то Мишу учили: телесная целостность – одна из самых больших ценностей, существующих на уровне подсознания. Любая хирургическая операция наносит человеку психическую травму, которую он может не осознавать, не чувствовать. Даже небольшой порез – это нарушение целостности. И одно дело, если это происходит в результате несчастного случая или оплошности, и совсем другое, когда человек намеренно режет себя ножом. Пожалуй, о некоторых отклонениях в психике Анны Лазаревой говорить все-таки можно.

* * *

Было уже около полуночи, когда Доценко довел Аню до подъезда ее дома. Ужин прошел в теплой спокойной обстановке. Мясо оказалось приготовленным весьма удачно, девушка получила свою порцию комплиментов и похвал, порезанный палец больше не болел и был благополучно забыт. Доценко предусмотрительно старался не провоцировать гостью и не выводить разговор на опасные темы, а то еще чего доброго опять за нож схватится. Весь вечер беседа их строилась вокруг книжных романов, не затрагивая романов реальных. Анна была несколько взбудоражена, но это казалось Мише вполне естественным, поскольку флирт всегда будоражит и волнует.

Чем ближе они подходили к дому на Ясеновой улице, тем напряженнее становилась Лазарева. Миша понимал, что она ждет от него каких-то слов, может быть, обещаний, вопросов о следующей встрече, но никак не мог выбрать правильную линию поведения. Конечно, девица подозрительная. За минувший вечер он успел в первом приближении проверить ее на пребывание дома в период еще двух убийств, первого и шестого, как бы между прочим задавая вопросы, касающиеся соответствующих телепередач и фильмов. Оказалось, что в интересующие его периоды времени Анна телевизор не смотрела, и это было, с одной стороны, против нее, но с другой, еще ни о чем не говорило. Совсем необязательно таращиться в «ящик», если сидишь дома. И трясущиеся руки... И порез...

Как же вести себя с ней? Закреплять знакомство и договариваться о следующем свидании? Или вежливо дать понять, что первая встреча будет и последней?

Когда до подъезда осталось всего несколько шагов, Доценко решился. Анну надо разбавывать дальше, пока что ясности никакой. И даже если она окажется ни при чем, с ней можно будет поработать в плане получения информации о других баскетболистках, имеющих некоторые странности в поведении. Дамочка из федерации знает, конечно, много, но, во-первых, наверняка не все, а во-вторых, нельзя быть слишком назойливым, это может вызвать подозрения.

– Я каждый день могу найти вас там же, где сегодня? – спросил он.

– Кроме вторника и субботы. А вы собираетесь меня искать?

– Обязательно. Любовь – огромная проблема, а мы с вами только-только начали ее обсуждать.

– Тогда я буду ждать.

Она приблизила свое лицо к его лицу, явно ожидая поцелуя, но Доценко решил не форсировать события и слегка отступил.

– Надеюсь, мне не придется ждать слишком долго, – сказала она почти шепотом.

– Ни в коем случае, – ответил он весело и громко. – Иначе я просто умру от голода. Пока мама в больнице, кормить меня некому, кроме вас. Тем более что у вас это получается отменно.

– Вот видите, – она продолжала говорить очень тихо, словно призывая его подойти поближе, – значит, ваша теория верна. Кстати, вы не боитесь остаться голодным в те дни, когда я не работаю на «Профсоюзной»?

– Боюсь. И вам придется дать мне свой телефон, чтобы я не боялся.

Он записал телефон Анны, который уже и без того знал со вчерашнего дня.

– Все, Анечка, спасибо вам за вечер, я побегу, а то меня в метро не пустят.

Она все-таки решила не отпускать его без поцелуя, но Доценко ловко подставил щеку, сделав вид, что рассчитывал только на это. Он уже отошел довольно далеко от ее дома, но, поворачивая за угол, оглянулся. Анна стояла на тротуаре и смотрела ему вслед.

Глава 5

Прошло уже пять дней, а Владимир Борисович Мельник все еще знакомился с делами оперативного учета, которые велись его новыми подчиненными. Часть дел он уже вернул, остальные держал пока у себя, периодически вызывая то одного, то другого сотрудника для дачи объяснений. Дошла очередь и до Короткова.

– Юрий Викторович, я ознакомился с вашими материалами по делу об убийстве на Павелецком вокзале. Там, конечно, много недоработок и явной халтуры, но сейчас мы не будем на этом останавливаться. Качество работы вашего отдела будет предметом специального обсуждения, я об этом всех предупреждал. Сейчас речь идет только об этом несчастном Мамонтове. В материалах дела действительно нет ничего, что позволило бы утверждать: Мамонтов был вашим источником. Но в нем нет и ничего опровергающего этот тезис. Как же мне прикажете понимать публикацию в газете?

– Владимир Борисович, я просил вашего разрешения на встречу с журналистом, подготовившим материал, но вы мне запретили.

– И правильно запретил. Сначала я должен был сам убедиться в вашей искренности. Надеюсь, вы мой запрет не нарушили?

Коротков усмехнулся. Если бы в сутках было семьдесят два часа, он бы мог плевать на запреты начальника с высокой колокольни. Но поскольку часов этих было все-таки только двадцать четыре, то в них нужно было успеть уложить выполнение хотя бы того, что начальник поручал и за что строго спрашивал. А о том, чтобы успеть сделать то, что начальник делать запретил, и мечтать нечего. При Колобке-Гордееве оперативники сами планировали время и последовательность действий, при Мельнике же был введен новый порядок, согласно которому каждый сотрудник должен был утром подать начальнику план работы на день. Начальник план утверждал и вечером ждал доклада об исполнении по каждому пункту. И где только он этих глупостей набрался! Ведь сам, кажется, из оперативников вырос. А такое впечатление, что в розыске никогда не работал и не знает, как трудно сыщику заранее распределять свое время.

– Запланируйте на завтра встречу с этим Баглюком, и пусть он вам даст объяснения, откуда взялась информация о вашем сотрудничестве с Мамонтовым.

– Товарищ полковник, никаких объяснений он мне не даст, вы сами это прекрасно понимаете. Он и не обязан ничего мне объяснять, у нас свобода прессы. Объяснений от него может потребовать только суд, если мы обратимся с иском к газете о защите чести и достоинства. Ну и его журналистское начальство, само собой. А больше никто. Если вы позволите мне хотя бы минимальную предварительную разработку Баглюка...

– Хорошо, – перебил его Барин. – Только не увлекайтесь чрезмерно, время идет. Мы не можем позволять газетчикам думать, что им все сойдет с рук и что они могут безнаказанно поливать нас грязью. Было бы очень кстати, если бы Баглюк оказался в чем-нибудь замешан. Тогда можно нанести ответный удар, не вступая с ним в контакт. Наберите на него побольше компромат-материалов, а я, со своей стороны, найду человека с бойким пером, который напишет разгромное опровержение и протолкнет его в печать. Скажу вам больше, Коротков: я вполне допускаю, что вы продолжаете меня обманывать насчет Мамонтова. Мне все-таки кажется, что он состоял у вас на связи, но пусть это останется на вашей совести. Сегодня задача номер один – пресечь на корню использование непонятно как добытой информации для расшифровки нашей агентуры. Сами у себя мы потом как-нибудь разберемся и выясним, каким образом сведения о Мамонтове попали в прессу, а вот у журналистов надо раз и навсегда отбить охоту публиковать такую информацию. Вам задание понятно?

– Понятно, Владимир Борисович.

– Тогда завтра утром жду вас с планом мероприятий. Пока я не посмотрю план и не завизирую его, ничего не предпринимайте, ни одного шага. Уж не знаю, к каким принципам работы приучал вас Гордеев, но только вижу я, что ничего хорошего из этих принципов не выходит. Извольте теперь перестраиваться и начинать работать по моим принципам.

Коротков вышел из кабинета начальника и по сложившейся давно привычке отправился не к себе, а к Анастасии. Они были очень дружны уже много лет, и Юра просто не представлял себе, как это можно, получив «новую вводную», не поделиться в первую очередь с Каменской.

– Ася, наш Барин наконец созрел и решил объявить войну прессе, – заявил он прямо с порога.

– Долго же он зрел, – неодобрительно откликнулась Настя. – У общественности уже почти сложилось впечатление, что он забыл о статье и о том, что должен как хороший начальник отстаивать честь мундира.

– Ну, он настоящий русский Барин, долго запрягает, зато потом гонит – не поспеешь следом. Завтра утром я должен представить ему план мероприятий по разработке Баглюка. Не хило, да?

– А он что же, заранее уверен, что за журналистом что-то есть? Зачем его разрабатывать?

– В этом есть смысл. Ведь наша задача в чем? Выяснить в первую очередь, откуда он получил эту идиотскую дезу про Мамонтова. А Баглюк...

– погоди, Юрик, – Настя болезненно поморщилась и потерла переносицу. – Ты абсолютно уверен, что это была деза? Мамонтов не был твоим источником, но как ты можешь быть уверен, что он не работал с кем-то другим?

– Да потому, что он за помощью ко мне побежал, а не к своему куратору! Был бы он у кого-то на связи, разве стал бы он мне звонить? Кто я ему? Сват-брат? Я – опер, который работал Мамонтова по делу об убийстве на вокзале, не более того. И вынужден был признать, что улики на него нет. Поэтому следователь его отпустил. Мамонтов прекрасно знал, что я уверен в его виновности или по крайней мере причастности, я от него этого и не скрывал. И по идее он должен был бы шарахаться от меня, как черт от ладана. Если уж он позвонил мне, значит, никого больше у него нет.

– Разумно, – согласилась она. – Если только он не сделал этого под чьим-то нажимом. Представь себе, что кто-то затеял игру против тебя. Причем игру жестокую, заранее обрекая несчастного парня на смерть. Тебя фактически вытащили к трупу. То есть ты, как нормальный опер, не дождавшись Мамонтова, должен был поехать к нему, чтобы выяснить, что происходит. Ты и поехал. А там тебя ждало красивое и еще не остывшее место преступления. И твое счастье, что ты туда не сунулся. А то бы отмывался потом до второго пришествия.

– Да я и так отмываюсь. Барин все равно мне не верит, считает, что это я где-то маху дал и Мамонтова подставил. И при всем том я не понимаю, что это за лажа в статье про диктофонную запись. Наши газеты, конечно, черт знает что себе позволяют, но не до такой же степени! Все-таки скандалы с непроверенной информацией были, и судебные процессы были. Не верю я, что в редакции пропустили материал Баглюка, не убедившись, что под ним есть фактологическая основа. Значит, какая-то запись была. Может, Мамонтов мне из-за нее звонил?

– Может. Слушай, сделай доброе дело, принеси водички, а? – Настя протянула Короткову пустой графин. – Ваш мальчиковый туалет ближе.

– Лентяйка, – проворчал он, беря графин. – За это нальешь мне кофею и печеньица дашь, того, вкусного, которое у тебя вчера было.

– Так то вчера, – рассмеялась Настя. – У меня его уже растащили. Я тебе конфету дам. Не торгуйся, иди.

Через полчаса, когда они выпили по две чашки кофе и прикончили коробку конфет, подаренную Насте кем-то на Рождество, заглянул Миша Доценко. Он, как и все остальные, должен был в конце дня отчитываться перед Мельником о выполнении плана работы на день.

– Иду на очередное свидание с Лазаревой, – сообщил он. – Мельник считает, что мы двигаемся в правильном направлении. Даже похвалил за то, что так быстро ее установили.

– Он уже уверен, что мы вышли «в цвет»? – удивилась Настя.

И было чему удивляться. Виктор Алексеевич Гордеев всегда сомневался, сомневался до самого конца, фактически до приговора суда. А иногда и после него. Может быть, оттого, что проработал в розыске раза в два дольше, чем их новый начальник, и повидал на своем веку соответственно раза в два больше ошибок, допущенных оперативниками и следователями. Колобок был ярым приверженцем отмены смертной казни. Каждый раз, когда он узнавал, что обнаружен истинный виновник преступления, по обвинению в котором уже кого-то посадили, а случалось, что и расстреляли, он терял покой. «Представляю, каково сейчас сыщику, который нашел улики против этого невиновного, – говорил он. – Не дай бог мне или кому-то из вас оказаться на его месте. До самой смерти себе не простите, век будете мучиться». Ну что ж, Барин моложе, более уверен в себе. Может, это и неплохо.

– Какое Лазарева производит впечатление? – спросила она.

– Сложное, – Доценко мягко улыбнулся. – Она очень неглупая девушка, правда, малообразованная, но природный ум, несомненно, есть. И в общении довольно приятная. Но нервы у нее не в порядке, это совершенно точно. Плохо владеет собой. И знаете... – он замялся, – она действительно какая-то романтическая. Я обратил внимание на то, как она одевается. То есть теперь-то понятно, что она одевается в расчете на свидание со мной. Но в первый день, когда я с ней только познакомился, она никуда вечером не собиралась, а выглядела на все сто. Такое впечатление, что она двадцать четыре часа в сутки ждет своего прекрасного принца. Очень ухоженная, холеная, серьги в ушах, маникюр.

– Да, маникюр, – задумчиво пробормотала Настя. – Маникюр нам никак не подходит. С тех пор, как вы мне об этом в первый раз сказали, я все голову ломаю. Все пытаюсь что-то вспомнить... Есть! Вспомнила. – Она облегченно улыбнулась. – Надо же, два дня мучаюсь. Теперь вспомнила. Я в какой-то газете читала рекламное объявление о том, что теперь оказывают новые виды косметических услуг, правда, дорогостоящие до помрачения рассудка. При помощи специальных приборов быстро наращивают волосы и ногти. Мишенька, бегите к своей неуравновешенной девице, а я постараюсь найти эту рекламу, посмотрю, где продельывают такие фокусы, и попробую выяснить, не числится ли Лазарева среди их клиенток. Если она действительно обращалась к ним после даты обнаружения последнего трупа, то можно считать, что мы молодцы.

Когда за Доценко закрылась дверь, Настя посидела минутку, уставясь невидящими глазами в окно, и негромко добавила:

– А если окажется, что Лазарева к ним не обращалась, тогда все напрасно. Это не она. Знаешь, Юра, оказывается, наука может утешать. Я тут прочитала одну любопытную статью, правда, не знаю, насколько достоверно то, что в ней написано. Якобы существует связь между датой рождения серийного убийцы и датами совершения им преступлений. Серия преступлений – это реализация некоторой программы, заданной от рождения. Программа, как ты понимаешь, должна быть выполнена. Так природа задумала. И программа эта защищена от внешних воздействий. Понимаешь, что это означает?

– Ни черта не понимаю, – пожал плечами Коротков. – Больно мудрено.

– Ничего не мудрено, ты просто соображать ленишься. Если программа защищена от внешних воздействий, то никто не может повлиять на серийного убийцу. То есть его невозможно установить и найти, пока программа не будет выполнена полностью. Его невозможно испугать, убедить или еще каким-то способом удержать от осуществления задуманного. Если мы не ошиблись с Лазаревой, то можно разрабатывать ее не торопясь, она уже никого больше не убьет.

– Конечно, куда ей, – усмехнулся Юра, – с ней же Мишка целыми вечерами гуляет и до дому провожает, пережидая типичное для убийцы время – двадцать три часа.

– Да нет же, не в этом дело. Она больше не будет убивать, потому что программа закончилась. Если бы программа еще действовала, мы бы Лазареву не вычислили.

– Да ну тебя, Аська, – рассердился Коротков. – Неужели ты всерьез в эту муру веришь? Делать тебе нечего, мозги только засоряешь. Помоги лучше план по Баглюку составить.

– Угу, ты за один графин воды будешь теперь меня эксплуатировать целую неделю. Ладно, давай займемся планом.

* * *

В вагоне метро было относительно малоллюдно, никто не дышал в затылок и не пихал в бок локтем, и Насте даже удалось сесть в уголке. Достав из сумки сборник научных статей в невзрачной бумажной обложке, она снова вернулась к той публикации, которая вызвала неприкрытый скепсис Короткова. На основе изучения серийных убийств ученые делали вывод о том, что чем моложе преступник, тем выше частота криминальных эпизодов. Семь убийств за две недели. Вполне можно говорить о том, что маньяк достаточно молод. И с этой точки зрения двадцатидевятилетняя Анна Лазарева подходит как нельзя лучше. Но есть и другая зависимость: чем старше преступник, тем в большем диапазоне варьируется возраст жертв. У семи потерпевших разброс по возрасту большой, от двадцати семи до сорока девяти лет, и это некоторым образом ставит под сомнение выбор Лазаревой в качестве подозреваемой, преступник должен быть постарше. Надо готовить другие рабочие версии, если окажется, что с баскетболисткой они промахнулись. И одновременно найти возможность встретиться с теми, кто вел научные разработки по серийным убийствам. Может быть, они подскажут...

– ...просьба освободить вагоны. Уважаемые пассажиры, при выходе из поезда не забывайте свои вещи. О вещах, оставленных другими пассажирами, сообщайте дежурному по станции.

Настя очнулась и выскочила из вагона. Напоминание о вещах, оставленных другими пассажирами, показалось ей сегодня особенно зловещим. Жизнь давно перестала быть простой и понятной. Раньше она твердо знала: не приводи в дом случайных знакомых и не ходи к ним в гости, не вступай в сомнительные денежные отношения, не имей дела с пьяными, и это поможет тебе уберечься от неприятностей. А теперь от правильного, или, как говорят американцы, безопасного, поведения мало что зависит. В метро или наземном транспорте может взорваться бомба. При переходе улицы на зеленый свет тебя может сбить ошалевший от собственной крутизны пьяный или наглотавшийся таблеток идиот на иномарке. Конечно, маньяки были всегда, и сто лет назад, и пятьсот, и защиты от них не было. Тем они и страшны, что их жертвой может оказаться кто угодно, как бы правильно и «безопасно» себя человек ни вел. Но все-таки одно дело, когда только маньяки, и совсем другое, когда еще и бомбы, и лихачи, и террористы, взрывающие целые дома и захватывающие больницы. Никогда не знаешь, где завтра окажешься и будешь ли жив к вечеру следующего дня. Ты боишься планировать, рассчитывать, и от этого теряешь ощущение перспективы собственной жизни. Ты перестаешь видеть будущее и погружаешься с головой в настоящее, стараясь выжать из него все, что можно, потому что настоящее по крайней мере есть уже сейчас, а будущее еще неизвестно, будет ли.

К вечеру внезапно потеплело, и, поднявшись из метро на улицу, Настя оказалась по щиколотку в грязном месиве подтаявшего снега. Настроение, и без того подавленное с тех пор, как ушел Гордеев, испортилось окончательно, ей захотелось как можно скорее оказаться дома, и она сделала то, что вообще-то делала крайне редко, только при совсем уж особых обстоятельствах: поймала машину. Водитель оказался разговорчивым дядечкой и всю дорогу рта не закрывал, хорошо еще, что ответных реплик не требовал. Настя с трудом вытерпела несколько

минут этой пытки, сунула ему десяти тысячную бумажку и с облегчением вышла из машины возле своего дома.

Квартира была тихой и пустой, Лешка в Америке, никто ее не ждал. Она вяло побродила по комнате, решая, то ли поужинать, то ли сразу принять душ и лечь в постель. Голод давал о себе знать, но готовить еду было лень. В конце концов Настя приняла компромиссное решение: залезть в горячую ванну с книжкой, а дальше посмотреть, как организм отреагирует. Если чувство голода притупится и уснет, то и слава богу, тогда она с чистой совестью уляжется под теплое одеяло. Если же есть захочется еще больше, тогда, так и быть, она что-нибудь себе изобразит из имеющегося в холодильнике.

Процесс приготовления к водной процедуре ее отвлек, нужно было подобрать подходящую книгу, притащить в ванную телефон, найти флакон с пенящейся жидкостью. Настя залезла в горячую ароматно пахнущую воду, вытянула ноги и блаженно прикрыла глаза, чувствуя, как уходит озноб, сопровождающий ее постоянно на протяжении всего осенне-зимнего сезона. Она уже протянула руку, чтобы взять книгу, как зазвонил телефон. Конечно, это была ее мать, Надежда Ростиславовна, и конечно, с традиционным вопросом:

– Что ты ела?

– Я только что вошла, – соврала Настя, – сейчас буду ужинать.

– Опять бутерброд с колбасой? – вздохнула мать.

– Сосиски с гречкой.

Это повторялось ежедневно, точнее, ежевечерне. Прекрасно зная свою дочь, Надежда Ростиславовна могла бы предположить, что та все равно правды не скажет, если это огорчит мать. Но тем не менее продолжала каждый вечер, стоило только Алексею улететь в командировку, звонить с одними и теми же вопросами, получая одни и те же ответы, в которых варьировался только гарнир, а сосиски планомерно чередовались с магазинными замороженными бифштексами.

Следующий звонок раздался, когда Насте удалось прочесть страниц пять из любовно выбранной книги. Коля Селуянов разыскивал Короткова, и поскольку не нашел его ни на работе, ни дома, счел нужным поинтересоваться у Насти, не знает ли она, куда Юрка подевался. Еще через две страницы телефон затренькал с укороченными интервалами – межгород. Голос мужа звучал так громко и отчетливо, словно он находился здесь же, рядом с ней, в ванной.

– Ты, конечно, ничего не ела, – начал он без долгих предисловий.

– А тебя, конечно, зовут Надеждой Ростиславовной, – передразнила его Настя. – Я уже получила от нее вливание на эту тему. И почему вы все считаете, что самое главное в жизни – поесть? Давай лучше поговорим о приятном.

– Давай, – покладисто отозвался Леша. – Я нашел твои туфли в дырочку и купил целых две пары, про запас.

– Спасибо, солнышко, ты меня порадовал.

Да, туфли – это удачно. Три года назад Настя купила такие туфли, когда была в Италии, и потом волосы на себе рвала от досады, что привезла только одну пару. Они были сделаны из мягчайшей кожи, имели потрясающе удобную колодку, и в них было так же легко и комфортно, как в тапочках. Ноги не уставали и даже если отекали в жаркие летние дни, то края этих замечательных туфелек не врезались в тело. При этом они были на каблук и выглядели более чем прилично. Настя, до этого обычно ходившая в спортивной обуви, за два года износила свои волшебные башмачки до состояния драных лохмотьев и теперь страдала от перспективы снова влезать в кроссовки, в которых летом будет, прямо скажем, тяжело. Но, к сожалению, ни в чем, кроме кроссовок, она ходить не могла. Только в этих туфельках. А в Россию их почему-то не ввозили.

Не прошло и полминуты с того момента, как она закончила разговор с мужем, и телефон снова подал голос. И опять интервал между звонками был чуть короче, чем при внутригородской связи. Наверняка Леша забыл что-то сказать.

– Да, солнышко, – проворковала она, сняв трубку.

В ответ Настя услышала смущенное покашливание.

– Добрый вечер, Анастасия Павловна.

Она вздрогнула. Этот голос она никак не ожидала услышать. Неужели опять в ее жизни начинаются проблемы?

– Здравствуйте, Анатолий Владимирович, – осторожно ответила она.

– Вы меня узнали?

– Конечно, у меня хороший слух.

– С Новым годом вас и с Рождеством.

– Спасибо, и вас.

Повисло неловкое молчание. Сердце у Насти заколотилось, она ждала от этого звонка чего угодно, но только не радостных известий.

– Анастасия Павловна, я, собственно, звоню... С Эдуардом Петровичем не все благополучно.

– Что с ним?

– Рак. Слава богу, врачи надеются, что операбельный. Завтра мы возем его в Москву, в клинику нас уже ждут. Будут делать операцию.

– Он очень плох?

– Ну... Объективно – не очень. Он самостоятельно двигается, продолжает заниматься делами. Но вы же знаете Эда, он всегда был на ногах, всегда был бодр и энергичен. И тот факт, что он теперь мало ходит и быстро устает, для него настоящая катастрофа. Есть люди, для которых это норма, они в таком состоянии живут годами, десятилетиями, а Эд считает, что жизнь кончена.

– Я могу чем-то помочь?

– Спасибо, Анастасия Павловна, ничего не нужно, уже все сделано. Я только подумал, что перед операцией Эдуард Петрович, наверное, захочет с вами переговорить, и хотел просить вас не подавать виду, что все плохо, если вам покажется, что он сильно сдал. Знаете, он как ребенок, готов у первого встречного спрашивать, есть ли надежда. И верит всему, что слышит в ответ.

– Почему вы думаете, что он захочет поговорить со мной?

– Я знаю. Он очень тепло к вам относится.

– Мы не общались с ним больше года, – заметила Настя. – Он, наверное, уже и забыл обо мне.

– Вы не правы, он вас помнит и очень хорошо о вас отзывается. А не звонит потому, что не хочет создавать вам проблемы. Но перед операцией он наверняка будет вам звонить, может быть, даже попросит приехать к нему в клинику. Вы не откажете ему?

– Разумеется, нет. Я приеду, если он попросит.

Денисов. Могущественный финансист, купивший и положивший в свой карман целый город вместе с администрацией и всей правоохранительной системой, богатый, как Крез. Человек, для которого нет ничего невозможного. Дважды Настя оказывала ему помощь, один раз и она обратилась к нему. Денисов ей помог, заплатив за это жизнью собственного сына. Отношения у них были сложными. Эдуард Петрович никогда не просил ее сделать что-то в обход закона, оба раза речь шла только о том, чтобы помочь в раскрытии преступления и найти убийц. Но Настя Каменская, проработавшая в уголовном розыске не один год, понимала, что полагаться на безусловную порядочность крутого мафиози она вряд ли имеет право. Конечно, хотелось бы надеяться, что Эд Бургундский, как называли его приближенные, не станет зло-

употреблять их знакомством и пытаться втянуть ее в какую-нибудь грязь. Но дать голову на отсечение она не могла.

А теперь Денисов болен. Оказывается, он не все может. Есть вещи, против которых бессильны все его несчитанные деньги и многочисленные связи.

Насте показалось, что вода в ванне стала совсем холодной. Включила горячую воду, но это не помогло, и она поняла, что нервничает. Ее снова зазнобило. А так славно все начиналось! Пенная ванна, хорошая книга, разговор с Алексеем...

Она встала под душ, чтобы смыть мыло, не испытывая от своей любимой процедуры ни малейшего удовольствия. Никогда не знаешь, где тебя беда подстережет. Взрыв, террорист, маньяк. Или неизлечимая болезнь. Жаль Денисова. А имеет ли она право его жалеть? Имеет, решила Настя. Каковы бы ни были его взаимоотношения с законом. Любой человек достоин сочувствия, когда его настигает беда. Особенно такая.

Закутавшись в халат, она отправилась на кухню и неожиданно ощутила прилив энтузиазма в части ужина. Это был тот редчайший случай, когда ей не хотелось просто сидеть и думать. Ей нужно отвлечься, и ради этого Настя готова была даже на кулинарные подвиги. В морозильнике нашелся пакет цветной капусты, как раз то, что надо. Высыпав содержимое на сковородку, она принялась за поиски какого-нибудь зачерствевшего куска белого хлеба, чтобы при помощи обыкновенной терки превратить его в панировку. Поиски увенчались успехом, поскольку предусмотрительный Чистяков специально выкладывал недоеденные куски батончиков на стоящий на подоконнике поднос, чтобы они там сушились в ожидании лучшей участи. Участь подоспела. Но надежды Настины не оправдались, работа по превращению черствого хлеба в сухари оказалась монотонной и совершенно нетворческой, и в голову снова полезли грустные мысли о непредсказуемости жизни и коварстве судьбы.

* * *

– Кто она? – требовательно спросила Ольга.

– Женщина, – спокойно ответил Доценко.

Он давно уже перестал реагировать на сцены ревности, которые закатывали его подружки. Миша был привлекательным парнем, девушки его любили, а поскольку свою «единственную» он пока еще не встретил, то расставался с дамами легко, особенно с такими, которые не желали считаться со спецификой службы в уголовном розыске. Ольга была его нынешней пассией и негодовала по поводу того, что Михаил уже который вечер подряд не уделяет ей внимания. Не то что должного, а вообще никакого. Не звонит и домой приходит за полночь.

– Ты давно с ней знаком? – продолжала она допрос.

– Не очень.

– Кто она такая?

– А тебе не все равно? – ответил он вопросом на вопрос. – Как будто если она дворник – это одно дело, а если кинозвезда – совсем другое.

– Ты что, решил меня бросить?

– Пока нет. Но если ты будешь мешать мне работать, брошу обязательно. Оля, я смертельно устал и хочу спать, давай закончим, ладно?

Девушка в гневе бросила трубку. Миша улыбнулся и вернулся к прерванному ужину. Его заботливая мама, лежа в больнице, попросила своих многочисленных приятельниц, живших по соседству, не бросать сына без присмотра и даже оставила им ключ от квартиры, поэтому Мишу каждый вечер ждал обильный ужин – плод коллективных усилий милых пенсионерок. В тот день, когда здесь была Анна, в холодильнике тоже стояли принесенные еще днем кастрюльки, баночки и пакетики с жареными отбивными, салатами и пирожками, и Доценко

надеялся только на то, что гостя туда заглядывать не станет и «купится» на его легенду о холостяцком ужине.

Во время ежедневных свиданий с Лазаревой Михаил вел беседы, из которых узнавал характер и образ мыслей бывшей спортсменки. Заодно и старался прошупать ее алиби на время совершения семи убийств. Получалась у него полная чересполосица. С одной стороны, Аня была физически очень сильной и вполне могла быстро и практически без шума задушить и женщину, и не особенно крупного мужчину. С другой стороны, у нее длинные ногти, что противоречит заключениям экспертов. Правда, Каменская обещала связаться с косметическим салоном и узнать, не прибегала ли Лазарева к искусственному наращиванию ногтей. С одной стороны, Анна мало походила на сумасшедшую, в ее высказываниях не было ничего такого, что могло бы свидетельствовать о больной психике, о навязчивых идеях или раздвоении личности. Но, с другой стороны, она была чрезмерно нервной особой, легко выходила из себя, у нее часто случались перепады настроения, причем перепады эти не были связаны ни с какими внешними событиями. Вроде никто ее не обидел, не оскорбил, не расстроил, ничего плохого не случилось, а она вялая, грустная, в себе замкнется и разговаривать не хочет. Или наоборот, на ровном месте вдруг становится радостно-возбужденной, без конца болтает, шутит, хохочет, слова вставить не дает. Михаила это утомляло, ему было трудно общаться с Анной, тем более что она настойчиво форсировала события, вынуждая его перед расставанием подолгу стоять в подъезде и целоваться. Целовалась она хорошо, но поскольку девушка Мише не нравилась, это затяжное прощание превращалось для него в пытку. Она явно недоумевала, почему он больше не приглашает ее к себе домой, и постоянно намекала на свою готовность провести еще один кулинарный эксперимент, поскольку, согласно теории самого же Доценко, результат должен быть совершенно ошеломляющим.

Никакого «ошеломления» Мише не хотелось. Ему хотелось, чтобы все побыстрее прояснилось и он мог больше не встречаться с навязчивой особой, мечтающей о страстной любви и замужестве. Одной из задач, поставленных Каменской, было выяснение, не подвергалась ли Анна Лазарева в детстве насилию, а конкретнее – нападению вечером в пустом подъезде. Опыт показывает, что серийные убийцы выбирают свои жертвы не абы как. Жертва должна отвечать определенным «требованиям», например, быть похожей на кого-то, или быть одетой соответствующим образом, или иметь определенный род занятий и так далее. Первое, что делают при появлении серийного убийцы, – тщательно анализируют все сведения, касающиеся потерпевших, в попытках смоделировать «образ жертвы», чтобы понять, почему этот образ именно такой, и уже от этого двигаться к моделированию личности преступника. По делу о семи задушенных «образ жертвы» никак не вырисовывался. Три женщины и четверо мужчин такого разного возраста и совсем разной внешности. Но всех их объединяли время, место и способ убийства. Поэтому была выдвинута версия о том, что именно эти признаки являются ведущими, главными для убийцы. Ему все равно, кого убить, но важно, чтобы это случилось непременно вечером в подъезде жилого дома. И убивать не ножом, не пулей, а именно душить. Такая мания могла бы появиться у человека, в детстве подвергшегося нападению в аналогичных обстоятельствах. Сначала у ребенка возникает непреодолимый (и вполне, надо сказать, естественный) страх перед пустым подъездом, особенно вечером. А потом, с годами и под влиянием различных процессов, происходящих в психике, может сформироваться столь же непреодолимое стремление самому сделать то, чего столько лет боялся. И этим убить свой страх.

Потому-то Каменская и велела Мише постараться узнать, не случалось ли чего-то подобного с Лазаревой в детстве. Настя, со своей стороны, собиралась поднять все многолетней давности материалы о нападениях на детей и подростков и посмотреть, не мелькнет ли в списке потерпевших фамилия Анны.

Доценко крутился, как уж на сковородке, подбираясь к интересующему его вопросу с разных сторон, но пока ничего интересного у своей новой знакомой узнать не сумел. Ни разго-

воры о тягостных воспоминаниях детства, ни попытки порассуждать о Фрейде и психоанализе ни к чему не привели.

Михаил чувствовал себя неловко, он видел, что Анна всерьез рассматривает его, красивого рослого неженатого «журналиста», знающего толк в любовных романах, как кандидата в мужа, хотя, видит бог, никаких надежд он ей не подавал, о любви не говорил, в постель не тащил и вообще вел себя до неприличия целомудренно. Но такой уж была Аня Лазарева, не зря его предупреждала осведомленная дама из Федерации баскетбола. Девушка горячо верила во все, во что сама хотела верить, раздувая огонь из мельчайшего повода, даже мнимого. И Доценко с нетерпением ждал той благословенной минуты, когда сможет больше не приезжать к семи часам на «Профсоюзную».

* * *

Парыгин тревожился все больше и больше. Уже несколько дней он наблюдает за этим сыщиком с Петровки, Доценко, и ничего не проясняется. Парень мотается по всему городу, по вечерам встречается с продавщицей газет, уродливой дылдой с длинным красным от мороза носом (и чего он в ней нашел, интересно?), и ни разу за все время рядом с ним не появился никто из тех, кто приходил к Парыгину домой. На всякий случай Евгений оставил Доценко на полдня в покое и проследил за другим сыскарем, вместе с которым Михаил как-то выходил с работы. Может быть, Доценко работает с кем-то вместе, и с той троицей встречается не он сам, а его напарник. Но и это мероприятие результата не дало. Никто из троих в обозримом пространстве не мелькал.

Его грызла не только тревога за самого себя, но и проблема денег для Лолиты. Деньги надо достать во что бы то ни стало, потому что ситуация не может до бесконечности существовать в том виде, как она есть сегодня. Лолита и племянник не живут дома, парень в школу не ходит, хорошо хоть Лола на работе отпуск за свой счет оформила. Не дело это. Не зря же говорится, что нет ничего более постоянного, чем временное. Из-за того, что на нем повисли родственники, Евгений, во-первых, потерял жилье, которое мог бы использовать как место встречи или даже место выполнения заказа (и такое бывало), а во-вторых, потерял свободу передвижения. Случись нужда, он не сможет теперь надолго уехать из Москвы, потому что должен заботиться о Лолите и маленьком Сереже. Им нельзя выходить из дому, и даже по телефону разговаривать он им запретил, поэтому сам остался для них единственной связью с внешним миром, не говоря уж о покупке продуктов. Нет, ситуацию надо каким-то образом брать в свои руки и приводить к логическому завершению.

Парыгину, опытному профессиональному убийце, даже в голову не приходило использовать свое мастерство для того, чтобы отвязаться от кредиторов покойного брата. Долги надо отдавать, это было непреложно. И кредиторы не виноваты в том, что кто-то оказался им должен. Они одолжили человеку денег, поверили честному слову, даже в залог ничего не взяли. За что же их убивать? Лучше дожидаться, когда кому-то понадобится кого-нибудь убить, получить заказ, выполнить его, взять причитающийся «гонорар» и отдать долг брата. Вот так будет честно. А убивать тех, кто требует возврата денег с процентами, и требует вполне справедливо, непорядочно. Это была странная, на посторонний взгляд, логика, но самому Парыгину она казалась нормальной. Убийство убийству рознь, считал он. Убить человека, выполняя оплачиваемую работу, это совсем не то же самое, что лишить жизни человека, с которым не можешь договориться полюбовно и снять конфликт. Второе – стыдно и недостойно настоящего мужчины. Первое – вполне допустимо.

Газеты Евгений читал редко, новости предпочитал узнавать из телевизионных информационных выпусков. Он любил смотреть телевизор, автоматически включал его, как только переступал порог дома, любовно изучал журнал «ТВ Парк», заранее присматривая передачи и

фильмы, которые надо не пропустить, даже отмечал их в программе синим маркером. Газеты же покупал только для чтения в дороге или на случай длительного ожидания. Сегодня утром, бреясь перед зеркалом, Парыгин подумал, что, пожалуй, пора уже постричься. «Проводив» Доценко в семь вечера до «Профсоюзной» и убедившись, что тот снова уходит вместе со своей красноносой дылдой, он решил, что вечер ничего интересного уже не сулит, и со спокойной душой направился в парикмахерскую. И вот там-то, сидя в очереди к мастеру, он и взял со столика в холле газеты, вероятно, оставленные несколько дней назад забывчивыми посетителями...

– Мужик, ты уснул, что ли? – раздался прямо над ухом веселый голос. – Твоя очередь. Или пропускаешь?

– Нет-нет, я иду, – встрепенулся Парыгин, сунул газету в карман куртки и направился в зал.

Надо же, он так погрузился в свои мысли, что и не заметил, как очередь подошла. Толстая тетка-парикмахер щелкала ножницами где-то в районе его затылка, а Евгений сидел, прикрыв глаза и стараясь привести мысли в порядок. Какая странная статья! Некий парень, которого потом находят убитым, признается в совершении убийства полтора года назад. Все бы ничего, но эта пугающая фраза про магнитофонную запись... А спустя несколько дней к нему, Парыгину, приходят какие-то бугаи и тоже пытаются сделать запись его признания в убийстве. Как все похоже! Что же это значит? Если верить статье, пареньек этот был стукачом, работал на ментов, они же его и спалили, допустили утечку информации, а криминальная структура, с которой был связан мальчишка, этого, натурально, терпеть не стала и неверного заткнула навсегда. Ладно, допустим, парень действительно был агентом Петровки. Но он-то, Евгений Парыгин, ни у кого на связи не состоит и информацию никому не дает. Таким образом, менты его спалить не могли. Почему же к нему тоже пришли?

Потому и пришли. Его первоначальная догадка оказалась правильной. Милиция взялась за расчистку завалов, пытаясь довести до раскрытия хоть какие-то из «висяков». Видно, начальство там у них поменялось, всем хвосты накручивает. Изобрели, суки, универсальный способ, ходят по всем фигурантам и пытаются выколотить из них признание, опираясь на силу и эффект неожиданности. После преступления столько времени прошло, человек уж и успокоился давным-давно, решил, что нелегкая пронесла, ангел уберег, а тут – нате, пожалуйста. Мало кто устоит и сохранит хладнокровие. Мальчишка, как его там, Мамонтов Никита, дал слабинку. С Парыгиным-то у них этот номер не прошел, не на того нарвались, но со многими другими получится наверняка. Опытных и психологически закаленных исполнителей сейчас мало осталось, все больше молодняк необстрелянный, сразу слюни пустят и язык развяжут. Такие, конечно, берут дешевле, за гроши работают, но и качество у них соответствующее. Вот и результат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.